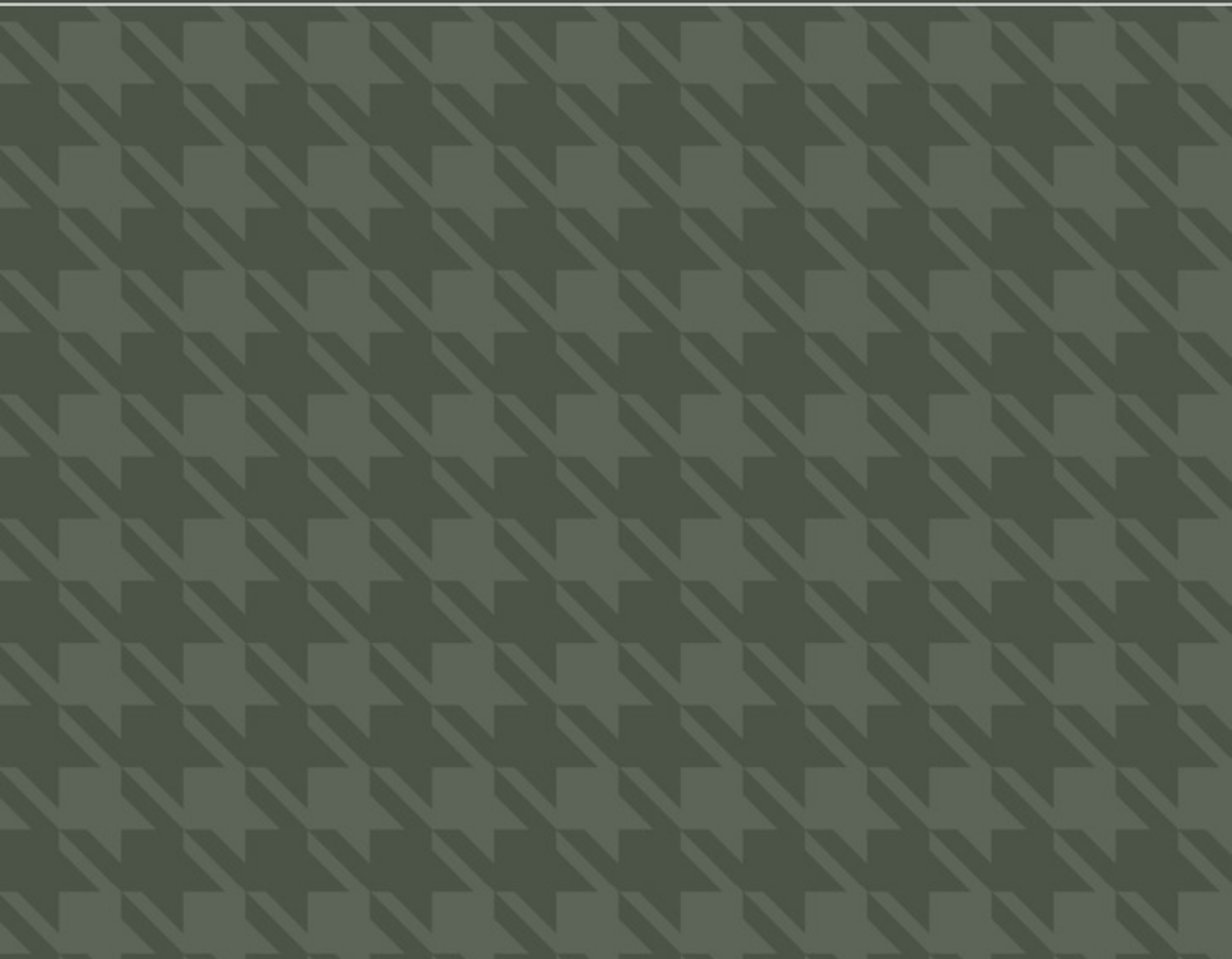

Василий Фомин

*Демоны
Египта*

Василий Фомин
Демоны Египта

«Издательские решения»

Фомин В.

Демоны Египта / В. Фомин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832935-7

В Мемфисе, столице Египта, происходит череда жестоких убийств высших чиновников государства. Расследование поручается чиновнику канцелярии градоначальника господину Хеви. Вскоре Хеви понимает, что убийца тоже из высшего сословия, но действия убийцы более напоминают действия демонов Ада — он проникает всюду и от него не защищает самая надежная охрана. Ужас поселяется в сердце Хеви, но он уже не в силах прекратить расследование, потому им овладело жуткое желание увидеть это исчадие Ада.

ISBN 978-5-44-832935-7

© Фомин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Потерявший лицо	6
Глава вторая. Экспозиция места действия	15
Глава третья. Грабители мертвых	19
Глава четвертая. Маленькая девочка с планом гробницы	26
Глава пятая. Пропавшая банда	32
Глава шестая. Чудеса в ночи	38
Глава седьмая. Храм Устрашающей	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Демоны Египта

Василий Фомин

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-2935-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора.

Замечания о том, что древние египтяне, в быту, разговаривали не обычной речью, а исключительно словами из священных гимнов и молитв, автор принимает так, же, как и утверждение, что в Советском Союзе люди общались между собой, исключительно, словами лозунгов и плакатов о руководящей роли партии.

Утверждения о том, что у древних не было неформативной лексики, вообще не рассматривается.

Герои этой книги иногда говорят почти стихотворной формой, только записаной в строчку, но они нормальные люди и, в состоянии раздражения, могут и сквернословить.

Все тексты песен и гимнов подлинные древнеегипетские тексты.

Сей роман со «Священной Супругой» составляют дилогию.

Глава первая. Потерявший лицо

Господин Небку, достойный смотритель царских земель, чувствовал себя не хорошо, не очень хорошо. Сказать точнее, так чувствовал он себя очень плохо и чувствовал (ну, извините, так уж получилось), прямо на голубые фаянсовые плиты, устилавшие пол спальни господина Раджедефа, среди высоких и изящных зеленых колонн, изображающих плотные пучки папируса и подпиравших брусья третьего этажа.

Точности ради, надобно отметить, что началось это с достойным господин Небку совсем не сразу, потребовалось несколько мгновений, чтобы осмыслить увиденное и еще несколько, чтобы уложить это в сознании, ибо сделать сие было весьма сложно. Чтобы посреди всей этой роскоши, среди кресел из слоновой кости, изящных лакированных столиков, брузеры, украшавших стены и такое... непотребство.

Такого он, господин Небку, еще не видел, хоть и нельзя сказать, что достойный Небку всю жизнь только и делал, что крокусы с гибискусами выращивал, да гладью вышивал. Совсем и нет. Тот еще был крендель. Уж вы поверьте

– Боги, да что ж это такое. Да сколько ж можно! – бормотал Небку. – О, отец Осирис, кто мог такое сделать с человеком. – Небку искоса взглянул на лицо Раджедефа и совершенно напрасно, ибо тут же желудок вновь скрутило в спазмах. – О, Осирис!

– Осирис здесь и не при чем.

Врач из храма Тота закончил, наконец, осмотр тела, и особой впечатлительности не высказал, но все же некоторая бледность в его сосредоточенном лице присутствовала, достойный слуга бога мудрости и покровителя ремесел, даже поднес какую-то деревянную баночку к носу.

– Ну, что? – выдавил Небку, вытирая свой облик салфеткой. – Что скажете, святой отец?

– Отвратительно! – невозмутимо произнес жрец.

– Точно, – справедливости ради не мог не согласиться Небку, – а? Что отвратительно?

– Ну, сами изволите видеть, достойный, – врач указал на господина Раджедефа, и Небку резко отвернулся, – у достойного вельможи содрали с лица кожу, других повреждений на теле я не обнаружил.

Небку сглотнул.

– И что? Что дальше произошло?

– Он, ну в том смысле, что господин Раджедеф, вставал с кровати, ходил по спальне, в частности подходил к зеркалу, то, что он там увидел, ему сильно не понравилось...

– И мне оно не нравится. – прервал красочное описание Небке. – Клянусь богом Инпу и Осирисом. Да сколько ж можно! – господин Небку, отдышавшись, поведал честно жрецу Тота. – Ну, такого со мной давненько не бывало.

Ну, тут нельзя не согласиться – этого было вполне достаточно. Утеревшись, в очередной раз, он, господин Небку, спросил с некоторой надеждой:

– Но крики! Он должен был кричать!

– Должен. Довольно долго и до сих пор должен бы орать.

– Почему ж, никто из челяди не слышал? – задал логичный вопрос достойный смотритель царских земель, по рассеянности не вникнув в последнюю фразу мудрого служителя Тота. А вникнуть стоило.

– Это, достойный, вопрос не ко мне. Сообщайте начальнику полиции, или председателю судебной палаты, или уж прямо господину Уаджару – пусть учиняют сыск достойные вельможи. Дело не в моей врачебной компетенции. Тут уж, пожалуй, придется доложить и самому великому джати, «созерцающему тайны неба и знающему то, чего нет и то, что есть» и, наверное, и все остальное. Вот я, лично, такого ничего не знаю.

– Тут и я согласен. И еще надобно доложить... этой... ну, нашей повелительнице, жизнь, здоровье и сила, ведь преступление совершено над государственным лицом, – смотрителем Белой Палаты. Ее величество должно, должна, ну в смысле должен она знать, то есть он. Тьфу, пакость!

– Кто, пакость? – несколько излишне безразлично спросил жрец Тота. – Вы сейчас это о ком?

– Да, нет, я просто хотел сказать... э-э... хотел спросить, когда это произошло?

– А, а то мне, вдруг, послышалось, что наша земная богиня, жизнь, здоровье и сила! – пакость?

– Да, нет, ну как вы могли такое подумать о нашей царице! Как можно сказать такое, даже подумать, о Великом Доме и Мощном Быке.

– А как раз о ней я и не думал. – невозмутимый жрец в упор посмотрел на вельможу.

– Но-но, святой отец! Вот этого не надо! Не по чину ваше усердие такое. Я просто хотел спросить – можете сказать вы, когда его освободили от страданий?

– Кто освободил? – верховный жрец, несколько недоуменно взглянул на господина Небку. – Кого освободили? Вы о чем, достойный?!

– Смерть, кто же еще? Вот уж точно – «смерть придет ко мне, как освобождение от тяжелой болезни»! – процитировал древнее сказание Небку.

– Вы, достойный, говорите языком мне не понятным – кого освободили от болезни? – поднял недоуменно бровь жрец Тота. – Не хотите ли понюхать?

Жрец Тота протянул баночку достойному Небку.

– Да Раджедефа, Сет вас заberi, святой отец!? Когда он умер? Вы так умны, что сами ни финика не понимаете уже!

Жрец Тота очень внимательно посмотрел на Небку.

– А кто сказал вам, что он умер? Я разве говорил о том, что, достойный Раджедеф пока что мертвый? Он еще вполне живой.

– Что? – похолодел Небку.

– Вы можете с ним поговорить, если, конечно, захотите. – довольно-таки безразлично сказал служитель бога мудрости. – Или если он захочет. С содранным лицом. Ну, в смысле с кожей, содранной с лица.

Осторожно скосив глаза в сторону кровати, Небку увидел, что глаза вельможи вращаются и губы неслышно шевелятся, но тут взгляд Небку встретился со взглядом несчастного и от того, что он в нем увидел, господин Небку, вновь зажав рот ладонями, метнулся вон из спальни, словно демон тьмы, которого застал луч возрождающегося в образе скарабея Хепри.

Некоторое время он сидел, беспомощно развалившись в кресле, держась за горло, и трясясь в ознобе. Затем, увидев выглядывающих из-за двери и до смерти перепуганных слуг, ткнул пальцем в управляющего помещьем и поманил к себе.

– Все, конец тебе, шелудивая мартышка. – обрадовал он испуганного слугу.

– Господин, я...

– Ты, конечно, ты! Ты! Ты, и я скажу тебе, кто ты на самом деле, ты – кусок ослиного навоза! Ты – вонь похотливого козла! Объясни-ка мне, зачем убил своего господина, отвратительная, мерзкая, и беременная подлостью гиена?!

Управляющий, стenea и дрожа, распростерся на полу. Господин Небку некоторое время с удовольствием наблюдал за ползающим у его ног слугой. Это было привычно, это было правильно и вроде бы ставило все обратно на свои места.

Так должно было быть, так есть, и так всегда будет, но... но, вот там, в своем собственном помещье, в стенах собственного дома и на своем собственном ложе... нет, это невозможно! И дело совсем не в нежных чувствах к Раджедефу. Да, Осирис с ним, с Раджедефом, проще сказать – да видел он его в саркофаге!

Но, убит в собственной постели вельможа – вот что значение имеет. Какое там – убит! Если бы! Даже и не убит, а омерзительно изуродован. Кто посмел к достойному вельможе прикоснуться?

– Теперь раскрой свои уши, зад гамадрила, и не пропусти ни звука, вылетевшего из моего рта. Всем вам конец – это, как коровий блин, просто и понятно, – господин Небку указал на всех пальцем, затем приподнял его вверх, – но есть, есть для тебя, некоторая, и очень малая, надежда, если сделаешь, все в точности, как я скажу. Ты понял, вошь вычесанная гиеной?

Управляющий перестал подвывать и замер, приняв стойку легавой, причуявшей куропатку.

– Так вот – всех рабов связать. Всех слуг согнать в амбар и запереть. Из поместья никому ни шагу. Послать гонца к господину Уаджару. И стражу! По всей округности поместья!!! И что бы никто и никуда. Своей никудышной и никчемной, хоть и бритой, башкой отвечаешь, может ее, хотя бы, ты спасешь, всем остальным, быстрее всего... ну, в общем, понятно, рабам, по-крайней мере точно – кирдык полнейший. Конец им всем и все из-за одной какой-то твари. Если только здесь не сговор.

Достойный господин ясно намекал на древний и неукоснительно исполнявшийся закон – за убийство господина своим рабом – смерть всем рабам без исключений! То есть абсолютно всем, не взирая на пол и возраст. Общественное мнение очень часто протестовало против подобного изуверства, но судебные органы ни разу его, общественное мнение, не приняли во внимание.

(Может быть, кому-то стало и смешно от такого неожиданного факта, что в 2184 году до рождества Христова существовало общественное мнение? Тем не менее, существовало. А представьте, как бы хохотали бы они, предки, над нашей гражданской импотенцией, узнав какого общества добились результата, за пять тысячелетий.

Ну, да ладно, все это еще не скоро, а пока будем посмотреть, что там будет дальше. Прим. Автора.)

Достойный Уаджар прибыл не один, а в сопровождении господина Аханахта – казначея бога, и господина Хнемредиу – казначея царя.

Небку сидел в зале перед спальней, и два глянцево-черных кушита обмахивали достойного вельможу огромными опахалами. Мягко колыхаясь, страусиные перья гнали непрерывную струю воздуха, но Небку, то раздраженно махал рукой, то вновь требовал прохлады – достойный, то усиленно потел, то, вдруг, его пробивал озноб.

Одеты вельможи были роскошно, бедра оборачивала широкая и длинная юбка-схенти тончайшего льна, подвязанная широким поясом, со свисавшими почти до земли концами узла, на плечах лежали, переливаясь всеми цветами радуги, пяти-семирядные ожерелья-ускхи из самоцветных камней и пластин, запястья украшали браслеты из золота, серебра и каменных пластинчатых бус, на пальцах сияли многочисленные перстни, камни в которых не относились к разряду драгоценных. Превалировали халцедоны, сердолики, лазурит, бирюза, агаты, ониксы и янтарь.

Редкость не была ценностью, а всего лишь забавной несурзностью. Кораллы и жемчуга? Ну, это для модниц. Сын Черной Земли носит перстни с камнями и браслеты не для украшения персоны, а для необходимой безопасности, ибо каждый камень несет свою функцию защиты или привлечения капризной удачи.

Головы всех венчали парики, у Хнемредиу пожалуй для мужчины длинноват, да и схенти у него было плиссированным и плечи прикрывала прозрачная накидка, завязанная на груди узлом. Щеголь! Еще и стрелял своими и так раскосыми египетскими глазами, что девушка на выданье.

Сияющие господа расселись в креслах.

С Уаджаром прибыло несколько человек одетых скромно и неброско – в короткие и узкие схенти, а то и набедренные повязки. Безо всяких украшений, так, разве что пара-тройка амулетов и оберегов, без которых неприлично показываться на людях уважающему себя роме (египтянину).

– Ну, что тут у тебя еще. – нижней губой спросил достойный Аханахт, самый высокий и широкоплечий, но уже начинающий полнеть, мужчина.

– Смерть пришла к достойному Раджедефу, но совсем не «как избавление от тяжелой болезни». Пока просто стоит у его кровати, и смотрит и не торопится.

Вельможи прошли в спальню и, на увиденное там, отреагировали по-разному. Аханахт почти безразлично осмотрел убиенного, накручивая на палец локоны парика. Уаджар, в первые мгновенья чуть шатнулся назад, но затем обошел ложе и внимательно осмотрел тело. Небку опять схватился за горло, но на сей раз сдержался. Слава Осирису! Казначей же царя спросил слегка капризно, не разобравшись:

– А почему лицо такое красное? Он что, видимо, гульнул вчера неплохо?

– Гульнул он вчера и в самом деле сильно. – хмыкнул Аханахт.

Хнемредиу, наконец разобравшись в ситуации, подкатил глаза, картинно подогнул колени и предпочел временно покинуть мир сущий и такой брэнно-отвратительный. Только-только успели подхватить, достойного беднягу под руки иначе наверняка треснулся бы темечком об пол и последствия были бы непредсказуемы, и для египетского общества невосполнимая потеря. А господин казначей царя еще очень нужен. Ни бог весть Птах, что он из себя представляет, но все таки.

Один из скромных и незаметных людей, пришедших с Уаджаром, подошел сзади и что-то тихо произнес, наклонившись к уху вельможи. Уаджар кивнул и указал достойным господам на выход в зал и все государственные лица вышли в зал, опустили в кресла, и посмотрели друг на друга.

– Вот Сет нас всех возьми своими красными лапищами! – проговорил Небку – Я ведь только вчера с ним виделся.

– И что? – вельможи уставились на достойного Небку, и он тут же пожалел, что раскрыл рот.

Вот Бес его за язык тянул!

– Да, собственно, и ничего, – вино пили, песни слушали и на танцовщиц смотрели, ну и, ...в общем отдыхали. Да как и всегда! – с некоторым возмущением добавил достойный вельможа. – А чего вы так смотрите?

– Да нет, мы тоже ничего. Вы, достойный, не волнуйтесь. – успокоил его Уаджар. – А потом?

– Потом, – Небку посмотрел прямо в глаза Уаджару, – а вот потом он в носилки погрузился и уехал.

– Куда – не говорил?

– Ну, куда, куда, домой, вообще-то, собирался.

– Домой, как видим, он попал. – кивнул головой господин Уаджар, а Аханахт при этом иронично улыбнулся. – Может, говорил, с кем встречаться собирался?

– Говорил. – Небку осмотрел всех собравшихся, слово что-то вспомнил. – Да, у него должна была быть встреча.

– Ну, ну! И с кем же?

– Собирался пригласить, каких-то танцовщиц.

Аханахт пренебрежительно махнул рукой.

– Ложный след. Ерунда. Это явно сделали не девки.

– Пойдите! – встрепенулся, открыв свои девичьи глаза, Хнемредиу. – Это же такая боль!! Так он должен был стонать, когда с него сдир... о, Осирис!

– Да нет, любезный наш, стонать он точно не стонал. Голову даю на отсечение! Какие к гиенам стоны! Он дико орал. Когда сдирают живьем кожу, то обычно не стонут. Дурным голосом орут, как гамадрил во время случки.

– Это мне понятно! – несколько раздраженно сказал казначей царя. – Я не о том – рабы и слуги! Они не могли не слышать. Вот это, совсем не понятно! Вы вот здесь все умные такие, и кто сей фактор объяснит?

Все повернулись к Небку.

– Ну, разумеется, должны, но, утверждают, что не слышали, ни звука.

– Ложь и очень наглая и еще больше глупая! А звуки борьбы? Как можно с живого содрать кожу и все в мертвой тишине?

Вельможи переглянулись.

– Сговор?

– Всего возможней.

– Рабов связали? – обратился Уаджар к Небку.

– Ну, конечно. – махнул тот рукой.

– Что ж, поступим по закону. За убийство господина всем рабам – смерть! Невзирая на пол, и на возраст неврирая.

– Ну, уж нет! Поступим с ними так же. По закону наказание слишком мягкое – за смерть вельможи – смерть всем без исключения рабам вельможи. Но смерть по государственным законам – это очень мало! На кол посадить и содрать с живых кожу! Вот это наказание. Вот это по достоинству преступленья.

– Так, это... – взял слово Хнемредиу, – подождите! Совсем, что ли разум потеряли?! – мягким девичьим голосом возмутился казначей царя, сделав большие глаза. – Дети-то при чем? И их, и девок, на кол посадим? Нет, это чересчур! Как казначей царя, я возражаю! Убить так убить, как и положено, по закону, но, по крайней мере, как-нибудь гуманно – ну, повесить там, или... или как еще... нибудь... утопим, голову отрубим... да мало ли... ну, наконец, задушим, но девок-то за что?...и этих, ну как их... тоже как-то... не так это все просто.

– Давайте все же подождем результатов допроса. – резонно ответил Уаджар. – Мой человек, уж вы мне поверьте, свое дело знает.

Вскоре явился тихий человек с внимательным взглядом взрослой крысы, выглядывающей из норы, впрочем, глаза он, по большей части, держал опущенными долу, а руки, скромно прижатыми к животу.

– Ну? – потребовал господин Уаджар. – Что? Что удалось тебе нанюхать?

Человек покачал головой.

– Пока, почти что ничего.

– Говори то все, что есть почти, среди всего этого, вроде, как и ничего.

– Следов борьбы почти что нет. Ни в спальне, ни на теле. Опрокинута баночка с притираниями, на полу рядом с ложем...

– Это я. – не стал скромничать Небку.

– ... и больше ничего. На теле ни синяков, ни ссадин, ни царапин. Такое впечатление, что либо господин Раджедеф просто не сопротивлялся, либо это сделал кто-то обладающий громадной силой.

– Не надо так уж мудрить, любезный! Это сделал не кто-то сказочно и невероятно сильный, а четверо-пятеро обычных человек. – презрительно сказал Аханахт.

– О, мой господин, вы конечно правы. Мне, недостойному, осталось лишь ответить – почему нет на теле следов борьбы, а на это я ответ на это дать пока что, не готов.

– Ладно, что показал допрос.

– Допрос выявил удивительнейшие вещи – никто не видел, никто не слышал, никто не знает, никто не скажет. Почти как в священной формуле захоронений. То есть ни единого подозрительного звука.

– Ы-ы-э-э-э... – донесся жуткий рев из спальни.

Вельможи побледнели, а Хнемредиу чуть не свалился с кресла.

Из спальни вылетел господин Раджедеф с отсутствующим, в буквальном смысле, лицом, и, не прекращая реветь, пронесся через весь зал и, не попав телом в лестницу, перекинулся через перила, картинно дрыгнув ногами и, несколько мгновений спустя, душераздирающий крик прекратился, завершившись глухим стуком.

– Ну, это... – после некоторой паузы сказал побледневший Уаджар, обращаясь к своему доверенному лицу, – ...ты-ы-ы, – Уаджар потыкал пальцем в лестницу, – ну это, того, пойдя, взгляни-ка, что там с ним.

Достойный господин Уаджар, видимо, слегка растерялся, отдавая подобное распоряжение, ибо, что там с Раджедефом, в общем-то, было уже ясно – наверняка не компот с киселем он ест на кухне. Чиновник спустился на первый этаж и, вернувшись, торжественно, доложил:

– Слуга земного Бога и богини, смотритель Белой палаты, господин Раджедеф, начал свой путь за скрытый горизонт Запада и вскоре вступит в чертоги Аменти.

– Слава священной девятке. – облегченно сказал господин Небку. – Отмучился, бедняга.

– Мда, – задумчиво произнес Аханахт, – на нем совсем лица не было.

Все присутствующие не могли не согласиться с такой суровой, но справедливой правдой жизни. Достойного вельможу, ныне усопшего, бережно внесли в спальню.

– Почему же он... – пробормотал, принявший совершенно неестественный для египтянина белый цвет, господин Хнемредиу, – ... почему только сейчас...

– Да, это и вправду интересно. – кивнул головой господин Аханахт. – Вы так не считаете? – обратился он к господину Уаджару.

– Считаю, и даже собираюсь выяснить это чудо. Так о чем мы говорили... а, об отсутствии подозрительных звуков в течение ночи. Не кажется ли тебе, что это ерунда? – Уаджар требовательно посмотрел на чиновника. – Вот мы сейчас, все услышали прекрасно. Такой крик, такие вопли. Их не услышать невозможно!

– О, да, мой господин, конечно, это ерунда. Требуется более длительный и более детальный допрос, но он требует времени и особых инструментов и всяческих других приспособлений для извлечения правды.

– Так проводите. С этими, как их, инструментами и приспособлениями. Чего ты ждешь?

– Конечно, господин мой, мы проведем такой допрос, но...

– Что?

– Я и сейчас могу сказать, что допрос ничего не даст – эти люди говорят правду.

– Откуда же ты знаешь, если еще никого не подвесил на дыбу и никого не прижиг огнем. Человек вежливо поклонился.

– Простите, достойные вельможи, но за долгие годы моей работы боги стали открывать мне истину в людских словах и в их поступках. Человек, который перед пыткой врет и тот, кто говорит правду, выглядят совсем по-разному. У них в глазах совершенно разные чувства, они по-разному сжимают губы, иначе держат руки, и пальцы рук у них ведут себя по-разному, а уж тем более глаза и мимика лица. Все это потому, что тот, который врет, собирает мужество и волю, чтобы вынести страдания и не проговориться, а тот второй, просто в отчаяние, за незаслуженные муки и страшно боится, что вдруг оговорит себя. Господа мои, их просто невозможно перепутать! Они отличаются как лев и бегемот, крокодил и слон.

– И что хочешь ты этим сказать?

– Все рабы и слуги господина Раджедефа от ужаса трясутся – они прекрасно знают, что им грозит и многие боятся, что не выдержат пыток. Но они все невиновны в смерти своего

господина. Они и вправду не слышали ни единого подозрительного звука. А если даже слышали, то к смерти господина отношения не имеют. Но... если вам нужен не тот, кто виновен, а просто виноватый, то... то я таких найду вам много. Со всем своим усердием. Только скажите. Если бы вы знали, достойные господа, сколько есть средств из лжи сделать правду... да что из лжи! ...из просто ничего... вы удивитесь, господа мои, в каких удивительных местах приходилось находить мне правду.

– В каких же? – заинтересовался Аханахт.

– Правду можно извлечь даже из... из откуда угодно, если использовать для этого особые инструменты.

– Вот там именно, ей и место. – удовлетворенно заключил Аханахт.

– Так в каком же действовать мне направлении?

– Хорошо, над этим мы подумаем, а что все же выяснить удалось сейчас на самом деле? Как все на самом деле происходило?

– Господин Раджедеф, да будет его жизнь легка и счастлива на полях Иалу, прибыл вечером слегка навеселе и сразу же отправился в спальню.

– Один?

– Совершенно, как солнечная барка Ра, на синем и лазурном небосводе.

Все разом выпрямились в креслах и посмотрели на Небку.

– Затем господин велел подать вина и яства, зажечь ароматические куренья и всем убраться в... ну в том смысле, что б, не досаждать.

– И?

– Потом просто все в поместье легли спать. Господин Раджедеф так никого до утра и не позвал.

– Так что? Кто с ним такое сотворил.

– Может, все-таки у него были девки? Может он их привел тайком?

– Это ерунда! Как могли девки справиться с женщиной, да еще без звука. Криков-то не было!

– А может это бродячие артисты? Раджедеф, привел девиц, а те затем впустили и мужчин и они... нет, Сет вас побери, опять не получается – он бы позвал на помощь слуг и охрану.

– Достойные вельможи, – напомнил о себе человек с глазами мудрой и ушлой старой крысы, – мы можем смело отместить бродячих музыкантов – на господине Раджедефе, остались украшения, ценности немалой, и их еще больше на столиках вокруг и ничто не тронут. Падаю в грязь перед вашим величием, целую следы ваших ног на земле и прошу дозволение продолжить детальный осмотр помещения и для этого Вам, господа мои, надобно покинуть помещение спальни и зала.

Вельможи устали на смиренно склоненного слугу. Тот исподлобья стрельнул жгучими глазами, опустился на колени, а затем распростерся ниц.

– Любезный Уаджар, на вашем месте я бы выпорол наглого мерзавца. – процедил господин Аханахт.

– Я порю, порю, любезный казначей.

– Почаще.

– Очень часто, но сейчас он говорит дело, да и вообще он дело знает. Так что, действительно – пойдёмте. Это хорошая ищейка. Одна из самых лучших. Он нюхом и прытью поспорит с любой из ваших охотничьих тезем.

– Ну, уж позвольте не согласиться, вот послушайте, что давеча произошло со мною на охоте в западной пустыне. Сообщили мне о бесчинствах, учиняемых львами, и взял я, значит, свору своих тезем, ну вы знаете, ту, где вожак Аккер и еще сука наизлобнейшая Мафдет, и, на всякий случай, прихватил еще две своры этих хваленных слюгги, что выменял на соколов у презренных шассу, и что же вы думаете...

Вельможи, сияя многочисленными браслетами, блестя золотыми наплечными усками, со множеством самоцветных камней, удалились, а египтянин начал осмотр, слыша в отдалении оживленное обсуждение качеств охотничьих собак и смех, и стенания из сарая где содержались рабы.

Он медленно и долго осматривал зал, оглядел столики с яствами, понюхал кубки и бокалы. В каждый опустил палец, провел по стенке, и понюхал и даже облизал. Сел в кресло и некоторое время сидел задумавшись. Затем перешел в спальню и облазил каждую плитку пола, но судя по не прояснившемуся лику, результата не было. Он перешел к ложу, на котором опять, как ни в чем небывало, возлежало тело господина Раджедефа, но и оно его ничем не удивило и он, в некоторой рассеянности, присел рядом с вельможей и в задумчивости уперся локтями в колени.

И тут что-то его насторожило. Он склонил голову набок, затем повел носом, и ноздри его затрепетали, и тут же он склонился к кровати, принюхиваясь. Сначала он брезгливо сморщился, но не прекратил осмотр и обнюхивание.

– О, боги. – прошептал он выпрямившись.

Вновь склонился к ложу и тут его внимание что-то привлекло. Он поднял с кровати двумя пальцами нечто невесомое и, посмотрев на свет, очень удивился. Глаза его блеснули как у крысы заметившей беззаботного цыпленка, он уже собирался подняться, как вдруг заметил еще кое-что и, так же, подняв это осторожно пальцами, удивился еще больше и пробормотал:

– Мать наша Асет!

Затем он вышел в зал и кликнул управляющего. Явившийся управляющий с некоторой нерешительностью уставился на чиновника. С одной стороны не велика, конечно, шишка, чтоб отдавать ему указания, а с другой стороны... Сет его знает, что там у него с другой стороны, сразу так и не рассмотришь. Чиновник же на сомнения управляющего внимания не обратил и тихим голосом попросил позвать всех женщин, прислуживающих господину Раджедефу.

Окинув одним взглядом сбившихся в кучку и перепуганных до смерти женщин, зажимающих рты ладошками, он приказал собрать вообще всех женщин присутствующих в поместье, чем привел несчастных в неопишуемый ужас. Все закрыли лица ладонями и, подвывая, упали на колени. Все прекрасно понимали, что значит смерть их хозяина и подозрение в убийстве. Это, по закону, означает смерть для всех рабов. Даже если из всех рабов виновен только один, – смерть всем!

Народ, конечно, может выйти перед Высокими Вратами и перед собранием Верховной Коллегии и просить о милости хотя бы для детей и женщин, ибо понимали, что все не должны отвечать за одного, но... но, свирепый древний закон обычно соблюдался неукоснительно. И еще не одно тысячелетие. На этом держалось государство – господин – и раб. Нельзя нарушить равновесие зависимости большинства от меньшинства. Иначе крах всего! Можно убить одного – можно убить и всех – рабов-то намного больше. А вот когда жизнь господина равна тысячам жизней... охо-хо-хо! Такой размен рабам не выгоден.

Однако, когда пригнали всех прочих женщин, он, маленький чиновник, только взглянув на воющую на разные голоса компанию и небрежно махнув рукой, тихо сказал:

– Все свободны.

Когда же чиновник спускался по лестнице со второго этажа, закусив палец и задумавшись, его окликнули:

– Господин... э-э-э, господин...

– Старший писец. – подсказал чиновник, не оборачиваясь.

– Господин старший писец, вы... вы, так добры к нам. Мы все обязаны вам жизнью.

Чиновник обернулся – у лестницы стоял карлик с печальными глазами.

– Пустое, братец, тем более, что пока еще и не обязаны. Ты за этим меня окликнул?

– Нет, конечно. То есть, да, и за этим тоже! Вы, наша жизнь... она была у вас в руках... Вам и вправду надо знать, что там, в спальне происходило? Не вашему господину, а именно вам?

– О, да! Именно мне.

– А... не принесет ли это нам вреда?

– Нет, мой дружок, всем кто невиновен вреда не будет. Иначе..., сам понимаешь... дыба, плетка, кол по ребра. Так что? Ты можешь мне ничего не говорить. Потому что если было преступление, то я обязан довести расследование до конца, иначе, зачем нам нужно государство? Но если вы виновны, то можете не говорить против себя, пока я не добуду доказательств.

– Я скажу. Я... ну, в общем, я...

– Ты что-то видел? – мягко спросил старший писец.

– О, нет, мой добрый и справедливый господин!

– Так, ты что-то слышал, мой дружок?

– Я слышал.

– Что же? Крики, стоны?

– Совсем и нет.

– А что?

– Песню.

– Песню? – улыбнулся чиновник.

– Да, песню.

– И кто же пел эту песню?

– Богиня. – карлик опустил глаза. – Ее пела сама богиня.

– Прямо-таки богиня? Какая же из них, ведь богинь немало и даже просто много. И многие из них поют – Асет, Маат, Хатхор, Нейт, не приведи, конечно, бог Хнум. Какая, из них, богиня, тебе песню спела?

– Смейтесь? А вы не смейтесь, мой господин. Это было вовсе не смешно. – карлик поднял глаза, и старший писец с удивлением увидел в них слезы. – Ее голос. – у маленького человечка прервалось дыхание, и он даже закусил губы. – Поверьте мне, это был удивительно дивный голос, такого быть не может у смертной и это хорошо, потому, что такое нельзя слушать смертному обычному. Я услышал его во сне, понимаете, господин мой, я спал в эти мгновения, и проснулся потому, что стал куда-то падать, а проснувшись, не смог пошевелиться и только слушал и слезы текли из моих глаз, а когда пение закончилось, я разрыдался и более уже не спал. Зачем я проснулся, зачем же я его услышал!

– И более ты ничего не слышал?

– Нет, мой господин, но я знал, что что-нибудь должно случиться. Что-то страшное должно случиться. Смертному нельзя такое слушать. Никогда и ни за что на свете. Нельзя смертному слушать голос богини. О, боги, зачем же я проснулся. Зачем же я тебя, земная богиня, услышал! Он же звучит из загробного Дуата.

Глава вторая. Экспозиция места действия

Огромная белая стена, выложенная из сияющего моккамского известняка, возвышалась на левом берегу священных вод Хапи. Древний архитектор построил стену с многочисленными бастионами и промежутки стены между ними равнялись ширине бастиона. Подобная конструкция делала штурм крепости практически невозможным, ибо нападавшие попадали под обстрел сразу с трех сторон. А с севера и запада крепость Инебу Хедж охватывало озеро Лотосов.

На бастионах реяли вымпелы, флаги и штандарты. Сокол Гор надменно взирал на долину с высоты стен. Гриф Нехебт раскинула в полете крылья.

От гранитной набережной Перу Нефер к стене тянулась мощеная дорога, охраняемая черными шакалами Упуатами – стражами загробного царства.

Упуаты лежали на постаментах глядя вдаль красными застывшими глазами и щерили клыкастые пасти.

Ряд их доходил до самых Красных ворот ведущих в Инебу Хедж иначе Белые Стены, ибо именно громадная белая стена дала название дворцовому комплексу, построенному еще, ставшим уже легендой, царем Скорпионов Мином.

Некоторые переносили название – Белые Стены и на весь великий город, но это было не совсем верно, ибо город имел собственное и очень древнее название – Дом души Птаха (Хет-ку-Птах), ибо здесь находился храм бога Птаха, создателя всего мира сущего – и мира явного и мира скрытого, чью сущность постигнуть невозможно и статуя его являла миру только закутанную в белые одежды фигуру с открытым лишь ликом и кистью правой руки державшей священный посох – Уас. Что символизировало невозможность полного проникновения в сущность бытия и в сущность создателя Миров Обоих.

Второе название огромного города появилось совсем недавно, после смерти его величества, жизнь, здоровье и сила, который ушел за свой горизонт шесть лет назад, переселившись в свою сияющую высоту, от которой и пошло второе название великого города – Прекрасная Твердыня (Меннуфер), ну это название хоть и использовалось, но не особенно оно прижилось, хоть и ушедшего на запад в страну Аменти, владыку очень чтили.

А ну-ка без малого целый век правления и ни войн ни природных катаклизмов. Одним словом золотой век. Воистину земной бог Двух Земель.

Но вот по смерти земного бога, ой... тьфу на демонов сказавших слова такие – земной владыка бессмертен, он только переселился в свой горизонт и продолжает жизнь вечную среди звезд.

Но после его ухода началось форменное непотребство. Нефри ку Ра Пеопи (прекрасная душа Ра Пеопи), был щедрым владыкой, но как —то так получилось, что чересчур щедрым. Давал он дедам и отцам за услуги государству, а сынки и внуки, пальцем о палец не ударив, оказались владельцами несметного богатства. А казна государства опустела.

Молодой Мощный Бык Черной Земли, Великий Храм ее, владыка Двух Земель Амтиенсаф – Меренра взялся наводить порядок в Черной, но очень скоро погиб при невыясненных обстоятельствах в какой-то стычке на границе.

Осталась его родная дочь двенадцати годов от роду с титулом Священной Супруги Бога, поскольку Меренра – Амтиенсаф успел взять ее, официально, в жены.

Власть номинально перешла ей в руки, да только никто ее не собирался ей отдавать.

Однако, ввиду исключительности обстоятельств, пользуясь древним законом Ниучера, гласившего, что священная кровь Гора, властителей Черной Земли передается именно через женщину крови Гора, Священную Супругу решают короновать как властителя Двух Земель, если, конечно, она пройдет необходимый и законом утвержденный обряд Львиного Хвоста.

Священная Супруга, несмотря на весьма юный возраст, обряд с великим трудом, но прошла и стала первой в мире женщиной повелительницей страны.

Правда без материальных средств и без вооруженных сил, тем более окруженная в своем дворце охраной царских сановников. Так, на всякий случай.

Но огромная двойная корона, пшент, по праву увенчала ее голову.

На набережной Перу Нефе царила обычная сутолока. Все что-то продавали, все что-либо покупали. То-есть, строго говоря, никто ничего подобного не делал. Существовал только обмен, никакими особыми квотами не ограниченный. Денег то на сей момент в наличии не имелось, по той простой причине, что их еще вообще не существовало. Менялись, как кому в голову взбредет, ну, конечно, были определенные меры в зависимости от сезона. В период разлива, или в период сева, зерно, а уж тем более муку купить было сложновато. Тут уж за мешок не обойдешься тушкой газели или антилопы, а тем более рыбой, хоть самой увесистой. Баранина не сильно котировалась, свинина та вообще... вот за мясо крокодила можно бы, но... оглядываться надо, где там стража маджай – крокодил животное священное, хоть и большая сволочь, к слову сказать.

В период жатвы другая картина – рожь, овес, полба, пшеница, ну это необходимые в крестьянском хозяйстве вещи, но еще и лук, чеснок, тоже без них никак, затем инжир, огурцы и арбузы – этого навалом. Мясо, мясо и рыбу давайте! А ее-то как раз и не очень много. То есть и мясо и рыба есть, но ведь весна! Животные на сносях, рыба нерестится – будет нормальный охотник, животновод или рыбак на голову себе гадить? Не будет. А тех, кто этим занимается, могут поутру самих в сетях найти. И разбираться —то никто не будет. Так же как и раков, которых сразу по первой теплой воде выбивают, но это малышня, которую за это порют. Не за раков, Осирис с ними, а за наличие в священных водах крокодилов. Раков вам, Сет вас поберет, шке-там безмозглым. Надергайте у ослов волос и ловите с набережной рыбу! Дистихисов там всяких, сомиков, плавающих кверху брюхом, на поденку, может на живца и тигровую рыбу измудритесь отловить. А за раками не смей без взрослых!

Золото, жемчуга, кораллы? Ну, это на большого любителя. Кому из крестьян, ремесленников, охотников и рыбаков нужны эти цацки?

Нет, ну магических свойств обереги и амулеты, конечно, всегда в цене – сердолики, обсидианы, янтарь, змеевик, гепатит, лазурит, бирюза, конечно, но сейчас, честно говоря, не до оберегов и амулетов – пожрать бы и то славно.

Так же находились на набережной Перу Нефер еще и ремесленные мастерские и доки.

В доках собирали суда для плавания по священным водам, но некоторые были пригодны и для плавания по Великой Зелени

В основном их мастерили из снопов сухого папируса, обладающего прекрасной плавучестью. Судно можно было построить, практически любого размера, но все они имели одну и ту же структуру лебедя – высокий гнутый нос, защищающий от встречной волны и широкую, похожую на лебединый хвост корму, для размещения построек. Посредине укрепляли одну мачту с прямым парусом и корзиной впередсмотрящего наверху, и судно было построено. Самое странное, что такие суда прекрасно плавали по морям, прекрасно противостояли ударам волн благодаря своей связке и легкости. Правда плавали они не более двух лет, но материал был дешевый, вообще, дармовой и весьма обильный. Нет, строили барки и из дерева, но только для лиц царской династии и для их же погребения. Ну, во-первых, – очень дорого (дерево в благословенной богами земле было довольно редко), а во-вторых, – весьма не практично – по морю на такой далеко не уплывешь, да и зачем?

Тут же приходили суда и из дельты и из нижнего Египта со всякими товарами – с лазуритом, бирюзой с севера, со слоновой костью, с рогом носорога, золотом и с огромными чер-

ными рабами с Юга, которые выглядели в настоящий момент весьма серо, что соответствовало бледности у обычных людей.

Мускулистых рабов с Юга очень быстро раскупали управляющие царских сановников и вельмож. Вскоре эти рабы, обретя статус полицейских, стражников и сборщиков налогов начнут колотить местное египетское население на вполне законном основании. Серость – бледность у них пропадала очень быстро.

Ранним египетским утречком, когда юный Хепри только вышел из пучин Дуата и еще не набрал жгучую силу полуденного Ра, супружеская пара среднего возраста не торопясь проезжала по набережной Перу Нефер на двух ослах.

Мужчина ехал на великолепном здоровенном нубийском (кушитском) осле, а женщина на изящном синайском ослике, причем сидела она на нем по дамски – свесив полненькие аппетитные ножки на левую сторону.

Слегка раскосые ее лисьи глазки так и стреляли по рынку, указывая супругу на что ему следует обратить внимание.

Супруг тут же подъезжал к торговцу и начинал переговоры. Впрочем, переговоры везде заканчивались одинаково – супружеская пара ничего не отдавала взамен. Они просто брали товар, и торговцы с охотой его им отдавали иногда что-то шепча мужчине на ухо, и очень искренне улыбаясь его супруге и справляясь как у них обстоят дела в хозяйстве и как чувствуют себя дети, конечно же, не называя их по имени.

Над рядами летало – господин младший писец, господин писец, госпожа дома младшего писца, о, госпожа, такую малость, примите в знак уважения.

Госпожа строго мотала востроносенькой головкой, сверкая хищным лисьим взглядом, и указывала на младшего писца. Все переговоры вел сам господин младший писец.

За время путешествия по рынку в переметной суме младшего писца оказались: четыре лещеподобные дистихтина, пять сомиков, дюжина куриных яиц, пара жареных уток, полдюжины таких же перепелок, некто (не будем называть имени) сунул копченый крокодилий хвост, но господин младший писец так строго посмотрел на наглеца, что тот со скоростью фокусника заменил вывешивающийся из переметной сумы крокодилий хвост на крокодилю же ногу, но очень удобно расположившуюся в корзине. Младший писец погрозил шалуну пальцем, но ничего не сказал.

Наконец, супружеская пара, нагрузившись, поехала вдоль набережной, но к младшему писцу постоянно подходили люди и что-то шептали на ухо, предварительно улыбнувшись и поклонившись его супруге.

Некоторым писец, выслушав, кивал головой и произносил пару фраз, и человек отскакивал с улыбкой, иногда писец тер подбородок и показывал один или два или три пальца и проситель отходил кланяясь с надеждой, иногда писец тер подбородок дольше обычного, качал головой и разводил руками. Человек тогда отходил в большой задумчивости.

Супружеская пара направилась домой. Копытца ослов выбивали струйки пыли. Впереди шел пожилой лысый, а может бритый человек. Шел он тяжело, очень часто останавливаясь. За плечами он нес в сумке небольшую рыбу.

Младший писец с супругой проехали мимо, оживленно разговаривая о ценах мены на рынке Перу Нефер, супруга что-то шепнула младшему писцу. Тот обернулся и тут же спрыгнул с осла и подбежал к старому человеку.

– Учитель! – спросил он, болезненно прищурившись. – Но почему вы...

– Я не учитель. – ответил путник, перекладывая котомку с рыбой с одного плеча на другое.

– Учитель! Вы же Менкаутор, вы мой учитель обучивший меня грамоте и, вообще, всему! Вы почему в таком виде? Вы почему пешком?

– В каком виде? – остановился наконец Менкаутор.

- Извините. – стушевался писец.
 - Так в каком я виде?
 - Ну, неужели из средств храма Хнума вам не могли выделить осла? Вы почему пешком идете!
 - У храма Хнума нет таких средств.
 - Да что за чушь! Как это нет! Ведь вы жрец высшей категории, должный носить белые одежды и леопардовую шкуру поверху. Где? Где леопардовая шкура?
 - Сын мой, я давно уже не высший жрец и давно уж не учитель.
 - Но почему?!
 - Я сложил сан.
 - Вы? Вы, лучший учитель, слова которого я помню до сих пор.
 - Не похоже.
 - Почему же вы ушли. – вопрошал писец не услышав последней фразы жреца.
 - Учить мне стало некого. Все нынешние, так сказать, ученики имеют по несколько тысяч голов скота. Я не имею даже коровы. Они хотели заставить меня учить их тому, чему они хотят учиться. И верховный жрец их поддерживал. Они изнасиловали танцовщицу, которая обучала их танцам и настоятель признал действия их правомочными. Я их избил, ибо, хоть они и молоды, но им было даже лень заниматься боевыми искусствами. Ведь у них есть охрана из негров. Они пожаловались неграм, но я навалял и неграм. Теперь меня выгнали из храма.
 - Но почему же вам не дали хотя б осла, что бы вы не ходили пешком. Вы сорок лет воспитывали учеников!
 - Кого интересует выкинутый вон учитель.
 - Меня интересует. Я пожалуюсь своему господину и он наведет порядок.
 - Твой господин наведет порядок там, где властвует своеволие и беспорядок? Которое он сам создал? Сегодня же вечером расскажу этом своей обезьяне. Вместе попохочем.
 - Об этом мы поговорим потом, садитесь мой учитель на моего осла. Я довезу вас до вашего дома.
 - Я не твой учитель. И мне не нужен твой осел.
 - Что вы такое говорите, учитель Менкаутор?!
 - Я не учил тебя тому, чем ты занимаешься сейчас.
- Менкаутор неторопливо пошел своей дорогой, а младший писец остался стоять, глядя ему вслед.
- Затем он посмотрел на свою супругу, ища поддержки против несправедливых обвинений и увидел оскаленную ехидную мордочку, которая тут же стала очень сочувственной и кивнув вслед старому жрецу сказала пренебрежительно:
- Просто старый дурень.
 - Он не дурень – писец укоризненно посмотрел на супругу. – Он мой учитель. С ним поступили очень несправедливо.

Глава третья. Грабители мертвых

В ночную пору, в предрассветный ее час, по священному полю Сокара, по городу мертвых деловито полз, иногда останавливаясь и вслушиваясь ногами в звуки ночи, здоровенный тарантул. Волоски на ногах его чутко улавливали вибрацию почвы и передавали информацию. Вот мерные упругие толчки почвы – бежит шакал, информация нужная, но бесполезная. Бесполезная потому, что шакал бесполезен как добыча, а нужная, потому что если он приблизится, то надо будет встать на дыбы и показать ему в раскрытых клыках две капли яда. Не было случая, чтобы сообразительный шакал не понял.

Совсем другое дело песчаная лисица, та придет в восторг от встречи. Для нее тарантул просто судьбы улыбка, она начнет вокруг прыгать и скакать и, закружив окончательно, примется бить лапами, пока не забьет окончательно. Так что если услышишь ее мелкие шажки, то тут уж, либо бери все восемь ног в ноги и беги, либо поджмай их под себя и лежи, как глины кусок, прикинувшись, что тебя нет совсем на свете, авось не найдет, подлая зверюга.

Вот волны прилетевшие по воздуху и через некоторый промежуток повторенные землей. Сверчок поет свою ночную песню. Разница между тактами песни совершенно точно подсказала тарантулу расстояние до добычи, а сверчок это добыча. Это полезная информация.

А вот земля посылает ему тяжелые удары и гул и ему известна их причина, странно только одно – все эти звуки обычны днем, когда он сидит в своей уютной, аккуратно оплетенной изнутри мягкой шелковистой паутиной, норке. Ночью в городе мертвых такие звуки редкость.

Тут на пути тарантула попала странная глыба. С одной стороны обычное препятствие, но когда он коснулся его передней парой ног почувствовал, что странная глыба теплей слегка остывших за ночь камней и почвы Сокара. Это было странно, но не сказать чтобы неприятно, и тарантул взобрался на теплую глыбу, и на некоторое время замер, вбирая теплоту. Внутри ее что-то мерно гудело, а вот мерные удары доносились из-под земли.

Тут глыба шевельнулась и икоса посмотрела на тарантула огромными блеснувшими в лунных лучах глазами.

– Асет, помилуй меня грешного. – пробормотал Джер и осторожно дунул на усевшегося на спине тарантула.

Наглый паучара агрессивно приподнял передние лапы и многообещающе оскалился. Однако, не стал особенно чиниться и весьма споро скатился с теплой глыбы, начавшей мелко вибрировать.

– Слава Осирису. – прошептал человек, забыв как-то, что милости просил у его супруги.

Он прижал ко лбу глиняный кружок с изображением скарабея висевший у него на шее и, взглянув на небо, восточную его часть, пробормотал:

– Пора.

Он протиснулся боком в узкую щель, рассекающую древнюю гробницу, сложенную из мелкого камня. Через пару метров протискивания в полной темноте, ноги его повисли в пустоте. Джер нащупал веревку и начал спуск в глубь города мертвых, в душную тьму, облепившую его со всех сторон. Тело тут же покрылось потом, а грудь сдавило и легкие с трудом втягивали тысячелетний воздух гробницы. Время словно потеряло всякий смысл и Джеру казалось будто он уже спускается бесконечно и спускается в бездну, но тут его ноги коснулись каменной осыпи на дне шахты. Ползком, головой вперед Джер пополз по насыпи вниз, туда где виднелось тусклое пятно света. Протиснувшись в узкую щель под нависающий сверху бревенчатый накат, трещавший и сыпавший труху с мелкой каменной крошкой при каждом прикосновении, Джер, наконец, выпрямился и поднял стоявшую на полу маленькую, еле светившую лампадку.

И тут же шатнулся назад, ткнувшись спиной в стену. Перед ним стоял, предупреждающе вытянув вперед руку, Упуат, шакалоголовый бог подземного царства мертвых. Глаза его грозно поблескивали в свете лампы, а зубы злобно ощерились в дьявольской улыбке.

Джер провел запястьем по лбу, отирая пот и сжал скарабея на груди. Все нормально, это статуя подземного бога, охраняющая покой мертвеца. Он осторожно обошел сердитого Упуата и наткнулся на самого хозяина гробницы сидевшего на каменном постаменте.

Из бездны прошедших веков хозяин смотрел куда-то вдаль, сквозь Джера, надменно выпятив губу. Фигура его, вытесанная из красноватого песчаника еще и была выкрашена в красный цвет, имитирующий цвет кожи истинных сыновей Черной Земли. На груди изваяния висел такой же медальон-скарабей, как и у Джера, только из золота.

На стенах комнаты кипела жизнь – крестьяне сеяли и жали, ткачихи ткали-пряли, охотники натягивали луки, выцеливая птиц в тростниковых зарослях и антилоп в саванне, гребцы в длинных ладьях усиленно гребли, догоняя бегемотов, а копейщики уже замахнулись копьями, надсмотрщики присматривали, сборщики налогов тащили мешки, овец, коз, выводили коров, кого-то охаживали палками, кого-то секли плеткой, кого-то вообще подвесили за ноги... в общем все как в настоящей жизни. Во, во – еще гнали пленников, с неестественно вывернутыми над головами руками. Над всеми и всем возвышался великий господин, тот же, что и сидел перед Джедом.

Но Джеду было не до росписей стенных, спертый воздух, а точней почти полное отсутствие его, и, напротив, присутствие бога подземного царства и изваяния усопшего просто выдавливали из гробницы.

Однако Джер приполз сюда с определенной целью и дело не терпело отлагательств. За изваянием, в задней стене имелось узкое отверстие. Точнее пролом с неровными краями. По другую сторону пролома мерцал огонь. Именно там и находилось захоронение именно там и лежал несколько веков, а может и целое тысячелетие, покойник.

Джер просунул голову в погребальную комнату. Нервные языки пламени колыхались в густо замешанной духоте, по стенам металась и прыгали тени, словно демоны Дуата выскочили из преисподней, чтобы схватить и утащить с собой святотатца, посмеявшегося нарушить тысячелетний покой мертвеца.

– Пора уже. – сказал Джер обернувшись к нему демонам. – Уже утренняя звезда покинула чертоги Дуата и вышла с полей Камыша.

– Сейч-а-ас! – промычал один из демонов облепивших саркофаг покойника.

Крышка с рокотом поползла, демоны поднатужились и она с гулом, рухнула на пол. Воздух в помещении колыхнулся, словно дух-Ку усопшего вылетел из саркофага.

Джер издал сдавленное мычание и дернулся было обратно, но один из грабителей схватил его за руку.

– Так часто бывает. – успокоил он приятеля. – Как там стража?

– И близко не видал.

Все сгрудились у саркофага поднеся к нему светильники.

Юный лик глянул на них живыми, блестящими глазами. Однако тело покойника оказалось высушенным, со сморщенной кожей на выступающих костях. Грудь прикрывал тонкой работы перисталь в виде грифа Небхет раскинувшего крылья от плеча до плеча мертвеца. Запястья украшали многочисленные браслеты из золотых тускло и жирно светившихся колец, из пластин малахита, яшмы, черного гематита и масляно блестящей бирюзы. Пальцы унизаны огромными перстнями по два-три на каждом пальце. В перстнях внутренним светом сияли розовые сердолики и агаты, переливающиеся извивистыми полосами, небесной синевой, как небо Двух Земель, сиял лазурит, в халцедонах при малейшем движении лампад, двигалась зеленая полоска, словно кошка, «смотрящая в Дуат», пристально смотрела на грабителей

из мира мертвых, огромный редкий радужный обсидиан был похож на зрачок в загробный мир и в нем вспыхивали и гасли всех цветов радуги искры.

– За дело! – сказал Паакер.

Джер взглянул на лица товарищей. Они и вправду были похожи на демонов – пот смешавшись с тысячелетней пылью стекал с их лиц оставляя черные потеки, выпученные глаза алчно блестели, руки с пальцами похожими на когти тянулись к мертвецу, а тусклое неровное пламя придавало видимость бесплотности грязным телам.

С мумии сняли золотую маску, из под которой на грабителей глянуло жуткое лицо с раскрытым ртом, в котором еще торчали редкие зубы. Сдернули с шеи перисталь. Поснимали с пальцев перстни и кольца.

– А как же браслеты. – спросил Джер тщетно пытаясь стянуть яшмовый браслет через запястье.

– А-а! Дай!

Паакер ударил по запястью медным ножом и отшвырнул кисть в сторону, затем повторил действие с другой рукой.

– Ну, что выбираемся? – спросил Джд.

Дыхание у него перехватывало, воздуха не хватало.

– Ку-уд-да! – прохрипел Паакер указывая на ряды всяческой утвари у стен жилища мертвеца.

– А это!? – он поднял чашу с двумя ручками, матово засветившуюся телесным цветом. – Это алебастр! (имеется ввиду не тот алебастр, который в настоящее время используют в ремонте потолков, а кристаллическая структура под названием кальцит. прим. автора.)

– А это?! – он ткнул в нос Джеру чашу из хрусталя, сыпанувшую ему в глаза сноп разноцветных искр.

– А вот это?! – Паакер швырнул Джеру ритон оправленный золотом. – Все быстро собрали и по мешкам порассовали.

Грабители вихрем, всосавшим все стоящее, прошли по гробнице, подняв попутно пыль, и, теперь уже, нахождение в ней стало совершенно невозможно.

Грабители зажимая рты и носы, непрерывно кашляя, кинулись к пробитому в стене погребальной комнаты отверстию. Однако тут в результате суматохи все попытались выскользнуть в сердаб одновременно, что оказалось невозможным. Все рвались наружу, толкаясь и отпихивая друг друга, как стадо перепуганных бегемотов.

Паакер кляня Сета Краснолапого, призывая Пожирательницу на дурные головы, поминая Осириса, Асет-Исиду, и матерясь страшной древнеегипетской матерщиной, за ноги оттаскивал отдельных представителей банды за ноги и награждал пинками и затрещинами.

– Ну, вы! Семя, пролитое на землю! Отрывки павиана! А ну не вылезать всем сразу. Вас вообще матери рожали или обезьяны вами на пенек сходили!

В результате мудрой и рассудительной речи предводителя, а более потому, что он расшвырял всех в стороны, грабителям удалось-таки вылезти в сердаб, где воздух был не то чтобы свежее, но не таким удушающим, как в погребальной комнате, где находились, длительное время пятеро здоровых и потных мужчин и один сухой покойник.

– Ещ... ещ... ещ-ш-ш. – начал, хватая ртом затхлый воздух, Паакер, но закончить не смог.

– Шо? – вымолвил кто-то.

– Ещ-ш-шце раз, гамадрилы, такое учудите, всех сам лично перережу, как овец. Выходить всем по очереди, даже если сдыхаешь – ждать очереди своей. Вы что думаете мало вас таких вот так друг друга в подземельях задавили? Да здесь на полях города мертвых, мертвецов раз в пять больше, чем их в положенное время похоронили.

– Пошли уже Паакер. – взмолился Джер. – Дышать нечем.

Паакер отвесил ему здоровенную плюху.

– Не называй никого по имени среди мертвецов и вообще не называй – сглазишь. Я – нетопырь, он – ушан, вот этот вот – крылан, а то – сыч, а ты будешь серый мыш. У нас еще есть здесь дело.

– Какое? – прохрипел Джер.

– Личность попортить вот этому господину. – Пакер кивнул на изваяние.

– Зачем?!

– Затем, что так надо. И имя его везде стереть.

Паакер взял кирку и ударил в лицо статуи.

– Не надо, Паа... Нетопырь.

– Почему?

– Не знаю. Это как-то...

– Покойнику надо уничтожить память о земной жизни и о том, кто он такой есть, иначе он нас запомнит и отомстит в жизни этой, и в жизни загробной будет свидетельствовать против нас. Так что посмотри на эту надменную рожу, это же кровопийца, и выбирай – либо его харя мерзкая, либо твоя жизнь вечная.

Паакер начал уродовать лик изваяния и кинул через плечо:

– Займись рисунками на стенах. Сбей все его лица.

Задыхаясь и обливаясь потом, грабители соскребли лица на изображениях покойника, а Паакер разбил лицо статуи. Затем он постоял, опираясь о кирку и со словами – Живоглот! – изо всех сил ударил в голову и та покатила по полу. Паакер снял медальон с обезглавленного изваяния и повесил себе на шею.

– Выбираемся. И не вздумайте все сразу повиснуть на веревке. Первым лезет серый мыш. Осмотришься вокруг и если все спокойно дернешь веревку.

Грабители закинули мешки с сокровищами за спину и начали подъем.

Уже наверху, лежа рядом с гробницей и тяжело вдыхая казавшийся теперь свежим горячий воздух, плывущий из западной пустыни, Паакер спросил у Джера:

– Ну, что привыкаешь к делу?

Джер молча покивал головой, потому что шевелить языком ему было тяжело и еще потому, что был в ужасе от содеянного и от самого процесса дела. Хотя, в общем-то, он конечно, привыкает, ибо ранее он, ночью, просто не вышел бы из дома. Ну, ни за что на свете. Ночь – время темных сил и мертвых. Однако долго разлеживаться не пришлось.

– Хватит. – сказал Паакер. – Разлеглись словно на девке. Хепри уж выходит из полей Камыша.

Грабители, пригибаясь, двинулись вдоль гробниц, уходя на северо-восток чтобы держаться подальше от пирамиды Унаса, маячившей тяжелым белым утесом.

Далее проявлялись, в быстро растворяющейся темноте, другие скалоподобные конусы горизонтов ушедших на Запад владык. Виднелась белая стена, окружающая комплекс Кебеху Нетеру с первой пирамидой, построенной в Черной Земле, пирамидой Неджеритхета. (Джосера. прим. автора.)

Стена эта точь в точь повторяла гигантскую стену Инебу Хедж возвышающуюся в долине, построенную, как говорят, еще великим Царем Скорпионов, вокруг первых храмов и царского дворца и за которой, пожалуй, при случае, могли укрыться все жители города. Древний храм Птаха скрывающийся за циклопическими стенами, выложенными из белого известняка и дал имя всему великому городу – Дом души Птха (Хет ку Птах).

Грабители тем временем подошли к краю плато на котором располагалось поле Сокара и с осторожностью спустились в расщелину, рассекающую твердую породу и переходившую то ли в старый канал, то ли в естественный овраг. В разлив, священные воды Хапи, подходили по этому оврагу к самому плато.

Банда кралась по самому дну оврага, совершая большой крюк и сейчас удалялась от воровских кварталов, но лучше лишний раз долго попотеть и поработать ногами, чем очень быстро остаться без головы.

Они свернули вправо, в небольшой овражек, сплошь заросший тростником в три роста человека и подошли к самой опушке большого пальмового леса.

Теперь осталось юркнуть под полог леса финиковых пальм, а там, на другой стороне, уже воровские кварталы. И чем быстрее, тем лучше, ибо ночную тьму сменил сине-серый сумрак. Паакер дал знак сообщникам, чтобы остановились, и выполз из тростниковых зарослей. И тут же уткнулся носом в чьи-то ноги.

Над ним стоял, скрестив на груди руки, молодой человек в коротком схенти и снисходительно ухмылялся.

– Доброе утро, господин грабитель.

За человеком стояли полукругом здоровенные черные гиганты в набедренных повязках и с увесистыми палками в руках – полиция градоначальника Прекрасной Твердыни.

– Доброе утро и вам, господин Нофри. – сказал Паакер поднимаясь.

Нофри, презрительно дернув губами, снял с грабителя золотой медальон со скарабеем и засунул себе за пояс.

– Ты еще напиши на лбу письмом священным – смотрите люди, я только что ограбил гробницу! И то риска меньше – читать не все умеют, а так и мартышке понятно, что перед ней за плод инжира.

– Не поместится на лбу столько иероглифов, мой господин.

– Что не поместится на лбу я допишу тебе на заде плеткой. Ну, где там остальные?

– Выходите. – негромко сказал в направлении тростников Паакер. – Все в порядке, все свои.

При слове «свои» Нофри усмехнулся. Грабители вылезли и сложили мешки перед собой. Нофри достал небольшую чернильницу, тростниковое перо и лист папируса.

– У тебя новенький? – глянул он исподлобья.

– Да, вы же знаете, что Хасемуи завалило на прошлой неделе.

– Имя?

Джер открыл было рот, но Нофри прошипел:

– Захлопни пасть, навоз коровий! Ты, – он ткнул в Джера пальцем, – и ты, и ты, и ты! Все вы! Вы все говорите только с ним. – палец указал на Паакера. – А только он говорит со мной, только. И никак иначе! Итак, имя и сословие?

– Джер из крестьян. Из разорившихся.

– Земля?

– Отдал за долги.

– Семья?

– Жена и трое детей.

Нофри что-то записал.

– Проверю. – он повернулся к неграм. – Ослов сюда.

Из леса вывели ослов с переметными сумами.

– Перекладывай.

Паакер перекладывал сокровища из своих мешков в сумы. Нофри тщательно записывал. Все провожали взглядом каждую драгоценность.

Все записав, Нофри что-то подсчитал, сунул папирус за пояс, вытащил другой и начал заполнять его, иногда поднимая глаза на стоявших перед ним грабителей. Закончив, он протянул его Паакеру.

– Получите на складе градоначальника. Лук, огурцы, чеснок – овощи, короче, фрукты детям, пиво и вино, а так же мясо. Мясо я вам вписал антилопье и газелье – всегда можете

сказать, что убили на охоте. Хлеба не даю и муки тоже, зерном возьмете, но зато даю и рожь, и пшеницу, и овес. Пусть жены лучше зерно в муку мелют, чем по всему кварталу мелют бабьим языком.

– Господин, а может нам что-нибудь причитается из взятого сокровища?

– Тебе? – безмерно удивился Нофри. – Сокровище? Да из него и мне ничего не причитается и некоторым, меня повыше, господам не причитается даже крупинки. Куда тебе украшения изящной работы? Куда сунешься ты с ним? Да ты через сутки окажешься в каменоломнях Ра-аау глыбы каменные задницей толкать, если сильно повезет, конечно. А то милости прошу на легкую прогулку в восточную пустыню на золотые рудники. Нет, я его, плод мартышкиного прелюбодеяния, хвалю перед достойными людьми, как умного человека, а он сокровища иметь желает. Да ты подумай, глупый гамадрил, где ты и где сокровища!

– Господин, я все понимаю, но это не на продажу, а просто закопать на черный день. Вдруг что со мной... с любым из нас, что либо случится... – хоть что-нибудь останется семье.

– А на черный день я сейчас тебя подвешу вверх ногами, вот на этой пальме, и хорошенько потрясу, пока день этот черный из тебя не вывалится. То, что на тебе – твое. Ведь я вас обыском с раздеванием не унижаю, но, то, что вы принесли в мешках принадлежит только государству.

Нофри повернулся и пошел прочь.

– Мы принесли такое богатство... – сделал еще одну попытку Паакер.

Господин Нофри, резко повернулся и, подойдя к Паакеру, ткнул ему в грудь пальцем.

– Ты, навоз, вскоре удобряющий священную долину Хапи, раскрой свои осличьи уши для моих драгоценных слов и не пропусти не одного из них. Ты сейчас не скулить должен, а руки мне, благодетелю, лизать, да что там руки, ты ноги мне лизать обязан, ты след должен целовать ногой моей оставленный на коровьей лепешке. Ты должен не роптать, что все у тебя забрали, а следом бежать за мною и из своей заначки, что спрятал ты в повязку, мне какую-нибудь золотую цацку за пояс схенти засунуть попытаться. Я может и возьму.

– Господин Нофри я...

– Ты молчи, – вытаращил глаза Нофри, – пока я говорю – ты молчи. И после этого молчи. Только благодаря мне ты со своим отребьем чистишь от золота и камней самоцветных гробницы как свинарь дерьмо свиное из сарая. Только благодаря мне ты уже три года лишних не висишь ребрами на колу, а весьма достойно семью содержишь и ты и все твои товарищи. И, если дураком не будешь, то и дальше будешь жить в достатке, а не как остальные в нужде и нищете. А сокровище для тебя гибель, покутишь каких-нибудь полгода, а после ты на рудники, а семья к храмам милостыню просить. Да только не сильно-то сейчас и подают. Ну, что? Мои слова достигли через ушей посредство твоей души-смысла Иб?

– Достигли, господин.

– Все звуки речи понял?

– Понял господин.

– Не вижу где то, что ты понял.

– Вы правы, господин, вот возьмите с благодарностью от всех нас.

Паакер сунул в руку Нофри что-то маслянисто блеснувшее.

– Ты и вправду понял. Теперь неделю вы отдыхаете, а встречаемся сам знаешь где и там получишь еще работу. Не бойтесь, пока я с вами от голода вы не сдохнете и стражи как-нибудь минуете.

– Хорошо господин.

Нофри раздраженно махнул рукой.

Когда господин Нофри с полицейскими и ослами отошел на приличное расстояние Паакер выдал:

– Живоглот.

– Послушай, а может и вправду, зря мы отдаем все добытое? – сказал ушан. – Оставить пару мешочков где-нибудь по дороге.

Паакер тяжело вздохнул.

– Да, прав он. Прав, чиновничья рожа, во всем. Драгоценности жрать не будешь и не накормишь ими семью, а как их сможешь обменять на хлеб и мясо? Выйдешь на набережную Перу Нефер в базарный день и закричишь – а вот кому браслеты золотые и перстни с самоцветными камнями! Так что ли?

– Ну, мы же в воровских кварталах. К старосте воров можно обратиться.

– Вот он в полицию маджай вприпрыжку и поскачет, ибо поймет сразу, что мы либо кого-то из богатеев убили, либо обчистили гробницу, а с таким сокровищем никто связываться не будет.

– Какая ему разница? Ведь он же староста воров.

– Вот именно, он староста воров. Воровство наследственное ремесло и разрешенное законом, ибо мудрый закон гласит – и вору тоже надо на что-то жить и воровство просто особая профессия. Уворованное несколько дней лежит у старосты на складе и если владелец не явился за украденным, заплатив, конечно, оговоренную сумму, вещь законным образом меняется на необходимые для жизни товары. Часть идет на общину, часть получает сам укравший. Но вору не занимаются грабежом людей и тем более гробниц, иначе их квартал сотрут с лица земли. И мы для них не вору. Мы не родились в воровских кварталах, а перешли сюда по воле судьбы. Мы для них чужие. Короче, пошли на склад получать жратву.

– Так светло уже! – испугался Джер-серый мыш.

– А вот теперь наше богатство. И днем от него опасности не более чем ночью.

Паакер поднял папирус.

Глава четвертая. Маленькая девочка с планом гробницы

– Не густо, заберите вас Краснолапый со всеми потрохами.

На краю огромного пальмового леса трое мужчин, одетые только в набедренные повязки, стояли на четвереньках словно собаки вынюхивающие что-то в траве. Красноватые их тела еле виднелись в свете небольшой лампадки. Они склонились к самому тусклому огоньку и что-то сосредоточенно рассматривали. Стволы гигантских пальм стремились прямо в звездное небо, напоминая колонны храма. Чудовищного, еще не построенного храма.

– Алебастровая чаша, медный витой браслет, два бронзовых кольца и перстень с бирюзовым скарабеем. Как же делить на троих, рогатую змею вам в задницу?

Вопрос был не из легких, ибо бирюзовый скарабей перевешивал все прочие богатства раз эдак в пять. Да и вообще их трое, а предметов пять. И как быть в таком двусмысленном положении? Имеется ввиду не настоящее положение тел, в котором находились в данный момент грабители, а двусмысленность ситуации.

Два кольца – это вообще ничто, по сравнению с риском связанным с грабежом гробниц, медный браслет тоже так себе приобретение – ни то ни се, но все-таки, алебастровая чаша – ну это еще так сям, но вот гребанный... прости Осирис нас, священный скарабей, уже кое что. Так как делить-то? Кому-то забрать скарабея (а кто ж ему его отдаст?), а двоим забрать фигию, хрень и хренатень?

– Так, забодай нас Хнум рогами, – в очередной раз попытался решить задачу Джд, – значит скарабей – одна доля...

– Чья? – тут же проявили неподдельный интерес напарники.

... – да, подождите вы, павианы нетерпеливые! Другая доля... другая доля – браслет и кольца, а третья будет чаша.

– Я согласен – подал голос Мена, – если скарабей мой.

– И я согласен, на тех же условиях.

– Тьфу, на вас! Скарабей один!

Некоторое время все трое смотрели на сокровище.

– Так всегда и будет, если шарить по окраинам Сокара.

– А богатые захороненья охраняются стражей. Туда не сунешься.

– Некоторые суются.

– Придется платить долю. Да еще найти надо, кому платить.

– Лучше платить и самим иметь, чем задницей рисковать и ни фиги, ни инжира не иметь.

– Так как же делить будем?

– Да кокните одного козла из трех, – неожиданно раздался посторонний и довольно-таки нежный голос. – вот и всех делов, а на двоих-то делить намного легче. Либо выбросьте скарабея. Или пропейте его втроем. В чем дело, мальчики, я вам могу сотню предложить вариантов.

Грабители от неожиданности вначале подскочили на месте, словно в набедренные повязки им заползли злобные и воинственные рыжие муравьи, затем шарахнулись в стороны, затем схватились за ножи и палки и только потом обнаружили сидящую почти в их компании маленькую черную девчонку, почти полностью растворенную в темноте, благодаря цвету кожи.

– Лично я советую, конечно, одного кого-нибудь прибить. – поведала свое мнение пигалица.

Грабители уже пришли в себя и, переглянувшись, вкрадчиво приближались к черной нахалке.

– А я даже знаю, кого нам кокнуть, несвоевременная девочка. – сообщил свое мнение Меху.

– Дяденьки, дяденьки, дяденьки, – запричитала девчонка и, упав на колени, поползла к грабителям, – я бедная маленькая сиротиночка, если вы сделаете со мной плохое, мои папа с мамой очумеют от горя. А бабушка и дедушка в гробницах перевернутся. Не делайте мне ничего плохого, а дурное... ну если без этого никак, то давайте делайте и Сет вам в подмогу.

Грабители остановились.

– Я че-то ничего не понял. – сказал Меху. – Сирота... папа с мамой.

– Да грохнуть ее и все дела.

Девчонка заскулила:

– Вуй-вуй-вуй-вуй-вуй...

– Нет, ты подожди. Надо разобраться – как это – сирота, а откуда родители? Какие еще папа с мамой? Или откуда сирота? Чего за фиговина?

– Уй-уй-уй-уй – продолжала подскуливать пигалица черного цвета.

Странно, где-то рядом вроде как заскулила собака, затем еще одна, еще. Тут странного-то, конечно, ничего и нет, – ну мало ли в Доме Души Птаха всяких разных псин и хозяйских, и бездомных, и породистых, да, от них ночью вообще прохода нет. Давно пора перестрелять половину, а то и больше. Но собаки поскулили и перестали, но где-то рядом слышалось их подвизгивание, словно целая свора решала свои, какие-то важные, собачьи дела.

Меху подошел к девчонке, схватил ее за кучерявые волосы и пробормотал:

– Прирезать ее и все дела. Нечего тут думать о папе с мамой.

– А ты не можешь меня прирезать, доблестный грабитель могил предков.

Голос девчонки, ухваченной за волосы, был тем не менее спокоен и даже насмешлив.

– Это почему? – очень сильно удивился Меху.

Он заметил, что у черной пигалицы во рту появилось нечто похожее на виноградину.

– А вот по такой причине!

Девчонка щелкнула пальцами и из ее ладони вылетело что-то светящееся, пролетело мягкой искрой и вновь скрылось в ладони.

– Что это? – спросили все трое.

– Оп!

И вновь мягкий огонек вылетел из ладони маленькой негритянки и вернулся обратно.

– Отдай сюда! – кинулись к ней все трое.

– А берите. Ни капельки не жалко. Оп! – она вновь подбросила дивный кусочек огонька.

Грабители ухватили его, то есть попытались ухватить, но поскольку огонек был один, а хватало его шесть рук, то ни одна не достигла цели, а схватила его опять маленькая черная ладошка.

– Возьмите. – девчонка протянула раскрытую ладонь со светящимся камнем.

Камень пошел по рукам, грабители что-то шептали и бормотали.

– Нравится? – спросила девочка. – Наверное, убить меня готовы, за этот камушек?

Мужчины недобро уставились на наглую малолетку.

– А заберите его себе. Храбрые грабители.

Египтяне некоторое время рассматривали камень, перекатывая его по ладоням, затем вновь уставились на малолетку. Надо с ней что-то решать.

– А не надо. – неожиданно сказала пигалица. – Все решено за вас. Хотите еще таких камней? Хотите других камней? Хотите золота и даже серебра?

– Кто ты?

– Кто, кто. Кое кто, кто вам нужен. Точнее не я, а сокровища мертвых. Вам нужны еще такие камни, вам нужны золотые и серебряные уски, перестали сорванные с груди усопших и перстни вырванные с истлевшими пальцами?

– Откуда нам знать, что ты не врешь?

– Отсюда.

Девчонка швырнула свиток папируса.

– Здесь обозначены наиболее богатые захоронения и, главное, скрытые в них ходы.

– Откуда это у тебя?

– Не твое дядечка дело.

– Откуда же нам знать, что ты не врешь?

– Я, конечно же, пойду с вами.

– И что ты хочешь? Какую долю?

– Долю? Мою долю? Конечно, я потребую свою долю, но она будет заключаться не в сокровищах мертвецов, а в живых мертвецах.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь девчонка!

– Я говорю о своей доле. Ты согласен получить доступ к сокровищам, а мне мою долю уплатить иным способом? Мне не нужны сокровища, мне нужна от вас одно услуга.

– Мы согласны. – ответил Джед, неожиданно подумав, что когда сокровища будут у них в руках, то от странной и наглой девчонки будет очень просто избавиться. – встречаемся у края поля Сокара, там где...

– Не-е-ет, нет, большие дядечки, так мы можем разминуться. Встречаемся мы у ваших домов, я, ну так, на всякий случай, хочу знать, где вы живете.

– Зачем тебе это?

– Чтобы черные собаки знали кого затравить на крайний случай. – ответила странной фразой черная девица.

– Хорошо, приходи в воровские кварталы...

– А тоб я не догадалась!

– ... в воровские кварталы на улицу папирусных циновок. Как только стемнеет.

– А маленькую и беззащитную сиротинушку разве никто не трахнет? – невинно спросила малолетка.

Трое мужчин переглянулись.

– Чтоб я могла завтра рассказать об этом вашим женам?

– Тьфу, дура!

– Ага. Только смотрите умные не нажритесь подобно свиньям на мой камушек и на свой перстенок. До вечера умные и храбрые дяденьки.

Вечером трое грабителей встретились у означенной одинокой пальмы.

– Ну, че, придет шмара эта малолетняя?

– Сомневаюсь.

– Придет. – сказал Джед, – такими камнями запросто не разбрасываются, нет смысла ей выкинуть запросто так такой камушек. Ей что-то от нас надо. Она придет и непременно. Другой разговор, что с ней делать?

– А что с ней делать – возьмем сокровища и ножом по горлу – не нравится она мне!

– Ножом по горлу, говоришь? Ну возьмем раз, а дальше что? Эта черномазая – это не черномазая, а это... ну, как ее, короче это золотая ниточка, а ты по ней ножом, лучше просто сейчас уйти и не вспоминать.

– Ну, да – не вспоминать! А ты думаешь она о нас забудет?

– Думаю, что нет. – помолчав сказал Джед.

– И не надейтесь, – прозвучал детский голос, – не забуду.

Мужчины покрутили головами, но ничего подобного несовершеннолетним черным девчонкам не обнаружили.

– Ты где?

– Здесь я, здесь. Только ножом по горлу меня не надо чиркать. Ну, я страсть как этого не люблю! Ну, я после этого просто в бешенство впадаю. Зверею прямо!

С ловкостью обезьяны с пальмы слезла давешняя чернокожая пигалица.

– Привет обезьяны! – приветствовала она разбойное сообщество. – Здрасьте гамадрилы, здорово павианы. Ну, че, уроды, готовы к святотатству?

– Ты бы это... следила бы за дурными словами.

– Да, ладно! Это вы здесь живете?

– Тебе может указать и дверь?

– А и укажите на тот несчастный случай, что вас мертвецы утянут в мир загробный...

– Да чтоб ты сдохла!

– ... так хоть ваши семьи на первое время обеспечить.

– А тебя они не утянут?

– Не-е. Я с ними на короткой ноге. Ну, че пошли или еще потрандеть охота?

– Пошли, но смотри мой нож наготове.

– Ой-ой-ой, как страшно, только кому? Вам или мне? Я вам ножами не угрожаю. Сказала же – будут вам сокровища, а мне без надобности они.

Хунни лежал на крыше старой полуразвалившейся гробницы, рядом с провалом чернеющим в ночи и чувствовал себя крайне неудобно.

Помимо возможных, но редких случайностей оставить свои кости на священном поле Сокара в виде встречи со стаей гиен или случайно забредшим львом, была вполне реальная опасность наткнуться на стражу, а если стражникам придет в голову взять с собой собак, то встреча эта будет неизбежной и совсем не радостной. И именно для Хуни.

Собственно он и торчит здесь, как шакал на разрушенной гробнице, чтобы выяснить, когда проходит стража в ночные часы в этом отдаленном конце города мертвых. Для этого он выбрал гробницу достаточно высокую, находящуюся на самом краю и, что самое главное, разграбленную.

Может стражники, поймав его (да не дай бог Ра!), не будут чиниться и возьмут да и отпустят. Ага, сейчас, как же! Но, посмотрите сами – он на самом краешке, в город мертвых практически не заходил, а эта гробница давно разрушена.

А что он, мать его, – спросит стража, – он здесь делает? Вот это вопрос, конечно, не из лучших, ибо делать здесь, честному человеку, да еще среди ночи, ну совершенно нечего. Вот были бы у него с собой пара перстеньков или, скажем, браслетик можно было бы рассчитывать на снисхождение стражников в виде нескольких пинков и благословением древком копья по спиняке на прощание.

Но последнее время не везло и никаких таких колец-браслеников у Хунни и его друзей грабителей не имелось.

Кроме всего прочего и помимо этих неприятных, но не смертельных мыслей, Хунни было просто страшно в городе мертвых.

Постоянно скулили и подвывали шакалы, словно тени ушедших в мир загробный и вернувшиеся ночью к своим могилам. Что-то шуршало и топталось прямо внизу у гробницы.

А более всего ему не нравился провал в крыше гробницы – того и гляди вылетит оттуда Ку-двойник усопшего, да это еще ладно, а если сама мумия вдруг восстанет... и чего тогда?

Подобные мысли привели к тому, что когда над Хунни пролетел здоровеннейший филин и громко угукнул, то чуть не сдул бедолагу с гробницы. Конечно, после такого случая можно было бы расслабиться и посмеяться своим страхам, но Хунни это вовсе не развеселило, а еще больше напугало, ибо неестественных размеров филин, о котором ходило много слухов и о котором постоянно перешептывались грабители, вполне мог оказаться Бу какого-нибудь из владык Черной Земли. Например Неджтритхета, решившего проверить все ли в порядке

на священном поле Сокара. Не болтается ли там какая тварь ничтожная, к примеру, тот же самый Хунни, с подлыми какими-нибудь намерениями.

(Бу, впоследствии Би, а затем Ба, образно говоря душа, которой по верованиям египтян Древнего царства обладал только фараон и, кстати, имеющая именно вид птицы, несколько похожей на только что пролетевшего филина. прим. автора).

А посему, когда внутри гробницы что-то зашевелилось, застонало, зауhalo, Хунни примерз к ее поверхности намертво, хоть и температура окружающей египетской среды была градусов под тридцать.

– Ху-ху-ху-хуннии-и-и... – донеслось из отверстия. – Хунни-и-и-и...

Затем внутри что-то покряхтелo, мерзко похихикало и в край проема вцепилась скрюченная когтистая рука, а потом и вторая. Хунни перестал дышать. Из тьмы, в призрачный подлунный мир, как таранул, выпрыгнуло что-то черное и уселось на краю. Мужественное сердце Хунни остановилось.

– Хунни, а хунни ты делаешь на священном поле? – спросило загробное чудовище сварливым голосом.

Хунни открывал рот, но ничего произнести не смог. Страшилище, выскочившее из бездны мира мертвых в город мертвых, захихикало.

– В этой гробнице нет ни хунни, мой храбрый Хунни. Одни только скорпионы – вот.

Маленькое, но чудовищное порождение мрака, подняло ручку, в которой и вправду шевелил лапками и клешнями скорпион, зажатый двумя пальцами за хвост, и бросило его Хунни. Бедняга наконец ожил и замахал обеими руками, стряхивая ядовитую тварь.

– Зато я вот что тут нашла.

Нечто из «оттуда» подняло вверх руку со свитком папируса. Тут Хунни наконец сообразил, что перед ним сидит чернокожая девчонка и весело блестя глазами нахально смотрит на перепуганного до полусмерти рабителя.

– Ты случаем не обделался, мой храбрый Хунни? Впрочем, это сколько угодно, но, смотри, не вздумай сдохнуть. Мне нужны живые и здоровые мужчинки. – и девчонка вновь мерзко захихикала.

Осмелевший Хунни раскрыл было рот, чтобы хорошенько обложить хамку, хорошим таким и звучным древнеегипетским матюгом, но та сунула чуть ему не в рот свиток.

– Глянь-ка, что там есть. Нужна мне твоя помощь, твоя и еще пятерых-шестерых здоровых мужиков, а то мне одной сиротке никак не справиться.

Вдруг девица вытаращила глаза и ткнув за спину Хунни крикнула:

– Бежим! Неджеритхет вернулся! Сейчас утащит к мертвым.

Девка спрыгнула с гробницы и понеслась к лесу, тут же пропав в лунном сумеречном свете. А Хунни, обернувшись, и вправду увидел громадного филина наплывавшего на него и так же понесся к лесу и остановился только на опушке у воровских кварталов. И только тут сообразил, что в руках у него по прежнему зажат свиток папируса.

Этой же ночью он зашел к своим друзьям, они осторожно развернули свиток и увидели, что это план дальней части поля Сокара. Одна гробница была отмечена крестом, а стрелка указывала на один из углов мастаба.

В состоянии легкой эйфории, хоть и не знал он, конечно, такого слова, Хунни направился домой, а дом его был теперь в воровских кварталах, а не на полях в пойме священной реки.

По дороге ему, как на грех, встретился некто Паакер, того же полета птица и стал настойчиво приглашать откусать пенистого напитка. Хунни, проявляя благоразумие, отказался от дарового угощения, ибо халява до добра еще никого не довела.

Однако, Паакер был очень настойчив и пояснил неожиданную щедрость тем, что удалось им неплохо пожить в городе мертвых и настолько неплохо, что даже можно ради такого случая вдарить по винцу. Мелькнуло даже, среди слов речи Паакера, такое наименование как

кенхемское, которое звучит для уха истинного роме (египтянина, сиречь. прим. автора), так же как для римлянина фалернское, хиосское для грека, бургундское для бургунда, шампанское для француза и водка холодная для русского.

Следующей ночью, до восхода луны компания Хунни в составе шестерых здоровых мужиков, как и просила наглая малолетка, отправилась в город мертвых. Только малолетке от этого никакого толку не имелось, ибо наблюдалось полное ее отсутствие. Ну, тут уж как богиня истины и справедливости Маат распорядилась. Где искать наглую мразотку никто не знал. Ну, а если потом объявится, то там и посмотрим, что ей причитается. Смотря по результатам.

Результата, который их всех ожидал, никто не ожидал на самом деле. Вот чего угодно можно было ожидать, – стражников в засаде, конкурирующую банду, летающую Бу Неджеритхета или Хуфу, даже восставших мертвецов, но все было намного удивительнее.

Подкравшись к дальней окраине города мертвых, грабители развернули при свете маленькой лампы свиток и узрели, удивленными донельзя глазами,... чтоб вы думали? Наспех выполненный рисунок огромного фаллоса, весьма похожего на ослиный. Хунни застыл с открытым ртом и его хотели было уже бить, но тут он обрел дар речи:

– Па... па... Паакер, гамадрил позорный!

И объяснил суть дела, после чего уже и получил от товарищей на орехи. Пожалуй, что даже на грецкие орехи.

Честные грабители еще и не предполагали насколько им всем повезло с этим фаллосом ослиным. На некоторое неопределенное время.

Глава пятая. Пропавшая банда

– Господин! Господин старший писарь. – осторожный шепот вкрадчиво просочился в окно.

Хеви свернул папирус и поднял лампаду. За окном, под ветками олеандра, закрывающего окно от лучей солнца днем, а сейчас с основательно запутавшейся в них луной, маячила фигура.

– Ты, Нюфри?

– Да, господин старший писарь.

– Что тебя носит по ночам. – недовольно пробурчал Хеви, но только так, для порядка, он прекрасно знал по какой надобности тот бродит по ночам.

Понятно, что если бы не было срочного дела, писарь сопел бы сейчас как бегемот, приняв на сон грядущий и на грудь, жбанчик пивка. А бо и два. Да под рыбку с чесночком! Замечательное гастрономическое сочетание.

– Очень интересные вести, господин.

– Сейчас. Не ори на всю Священную Твердыню!

Хеви поставил на стол лампаду и вышел во двор.

– Все не спите, господин старший писарь. – польстил Нюфри. – Даже ночами работаете. Дорого дается вам хлеб ваш.

– Да, много дел сейчас. Сам понимаешь – время жатвы. Господин Уаджар рвет и мечет и просто нервничает, а тут еще это убийство смотрителя белой палаты... – Хеви махнул рукой.

– А, правда, что с него...

– Нос мне твой нужен, чтобы разнюхивать, а не совать куда не надо. – не очень ласково оборвал подчиненного Хеви.

– О, да, конечно, господин. И нос мой кое-что нанюхал, оч-ч-чень интересный след взял мой нос. – глаза Нюфри азартно блестели.

– Ну-ну. – поощрил старший писарь.

– Приходил ко мне недавно, некто Паакер из банды нетопырей. Все, что положено по уговору, он отдал и сообщил такую новость. Есть у него приятель в другой банде, но не из тех, которые по совести вносят долю... ну, вы понимаете.

– Понимаю. Не понимаю почему этот приятель, раз уж ты про него знаешь, в подвале тюрьмы не блюет кровью, рассказывая где, с кем и сколько?

– Сейчас, сейчас, мой господин. Так вот этот приятель, после того как Паакер влил в него изрядно пива, проговорился, что они достали план одной гробницы полной сокровищ и скоро невиданно разбогатеют.

– Надо было схватить мерзавцев. Ты же прекрасно знаешь – грабеж захоронений свято-татство, карающееся смертью или золотыми рудниками.

Старший писец глянул на младшего писца так честно и неподкупно, что тот поневоле опустил глаза.

– Увы, не удалось выяснить, какую именно гробницу собираются обчистить.

– Получишь палок.

– Слушаюсь, мой господин. Но дальше получилось очень странно – приятель Паакера больше в город не вернулся. А так же никто из этой банды.

– Ну, это странность небольшая – их, наверняка захватила стража.

– А почему же нет доклада о поимке? А? Кстати, насчет палок, по-моему, не за что?

– И это тоже тайна не из очень тайных и не из самых страшных – просто стражники грабителей поймали и всех перебили, а все драгоценности себе забрали и, конечно же, докладывать не стали. А вот если бы ты не ползал ленивой черепахой, а летал бы трудолюбивой

пчелкой, то сокровища лежали бы сейчас в казне у господина Уаджара, а ты купил бы себе ту самую корову, которую у меня клянчишь уже почти полгода и уже натер мне до нарыва уши.

– Я хотел бы, не коровку, а дойных козочек, штукек три-шесть-восемь, если на то будет ваша воля, господин старший писец. – Нофри смиренно сложил руки на животе. – Но это новости не все. Я, весьма заинтересовавшись, пораспрашивал людей (пришлось, немного потратиться, мой господин, на вино, на пиво и на закуски, кхм... а жалование-то... кхе... кхм) и выяснилось, вот прямо так – увы! что это уже совсем не первый случай. Пропало уже несколько человек и одиночек и банд. Вот так вот, все они ушли в город мертвых, и к живым они обратно не вернулись и больше их никто не видел. А мы-то, так ничего и не знали!? Вот ведь ерунда какая – кто-то грабит и грабителей!

– Обнагтели позорные гиены! Шакалы сучьи! То есть – тьфу! – не трогаем священных шакалов!

– О ком вы господин?

– О страже! О ком еще?! О гиенах! О шакалах и бегемотах и крокодилах, и пусть простят меня за святотатство бегемоты, шакалы и крокодилы! Ни одно животное себе такого не позволит. Совсем всё чувство меры потеряли, шелудивые собаки! Вместо того чтобы охранять покой мертвых, они сами у них воруют. Причем, поскольку сами, ну ни на что, ну, ни на хрен путное в жизни не способны, кроме как бить дубиной по спине себе подобного, то они подготавливают грабителей, а когда те всю работу сделают – нож им в спину, – и все скрылось под барханом пустыни неизвестности. Им, гнусным обезьянам, видите ли, уже законной доли мало. Ну, ничего! Ничего и ничего! – раздул ноздри Хеви, – Сегодня! Сегодня же доложу господину Уаджару. Мы их на этом деле... рудниками обеспечим. Золотыми рудниками! Откуда нетвозврата. Пусть кровью похаркают, но очень недолго. Там долго не задерживаются. Хотя, – старший писец очень быстро остыл, – тут надобно решать немного по-другому – слишком много знают подлещи.

– Господин, но и это еще не конец.

– Ах, даже так! – Хеви с интересом подался вперед. – И что еще?

– Тот же самый Паакер, сегодня вечером встретил еще одного приятеля и, заметив у него сверточек папируса, попытался разговаривать, но тот все отнекивался и пытался улизнуть, но Паакер не таков, чтобы упустить свое и зазвал его таки в свою компанию. Парень сначала пил весьма умеренно, и тогда Паакер с друзьями подразорились на кенхемское.

– И парень, не устояв, нажрался на халяву, как на божий дар, и разговорился?

– Нет. Нет, господин мой. Не сказал, подлец, ни слова. Ничего, сын Сета, не сказал! На выпивку, мерзавец, крепок оказался, но папирус-таки у него уперли и даже заменили на другой, с нарисованным на нем ослиным пенисом в возбужденном состоянии.

– Вот это уже дурь! Надо было просто упереть, и парень думал бы, что просто потерял в состоянии подпития, а теперь будет знать, что просто подменили.

– Это вряд ли – он так шатался, что по дороге его еще раз наверняка обчистят. Представляете, – мерзко хихикнул писец, – как обрадуются ворюги такому подробному плану подземелий?

– Хм. – изволил обозначить тонкое чувство юмора старший писец, затем хлопнул в ладоши. – Так! Значит план у нетопырей. Вот пусть сегодня же и действуют, барка Небетхет еще не проплыла и середины звездной реки. Только немного изменим установленный порядок. Начальнику караула сегодня ничего не сообщай, а просто проследи за караульным помещением. Заляжь в какой-нибудь канаве и булыжником прикинься. И возьми с собой еще два-три таких булыжника – дело опасное и непростое. Следи и молчи, как шакал в норе жарким полднем. Если стражники пойдут к указанной гробнице, продолжай следить. Даже если они перебьют нетопырей – не вмешивайся! Ни-ни-ни! Надеюсь, понимаешь, что иначе тебе больше

не видать росу на лепестках священного синего лотоса? – Хеви с любопытством посмотрел на Нофри.

– С такой же ясностью, понимаю, мой господин, как и девка, которой раздвинули колени. – глаза Нофри азартно блеснули в темноте.

– Вот-вот! Вот именно! Проследишь, куда уплывут сокровища и, продолжая наблюдение, пошлешь гонца ко мне. Я спать не лягу. Финик с тобой – получишь ты свою корову.

– Козочек, о, господин старший писец.

– Козочек, козочек, Сет с тобою, – козочек! – махнул рукой старший писец, – но для начала вылови мне этих козлов. Давай, давай...

– А вот там есть на небольшом участочке, ну, ма-а-аленький такой виноградничек и вроде как ничей, а можно я его как-нибудь так вот немножко... ну, чуть чуть... – писец сделал жест ладонью.

– А ты что, разве еще здесь? – удивился старший писец, подняв голову. – Я думал, что ты уже где-то там – на гробницах.

– Ага! Я уже там!

Ночь, господин старший писец, провел в беседке, созерцая звездное небо и слушая завывания шакалов в городе мертвых, и, с одной стороны, чувствуя блаженство от того, что лежит в беседке, а не на камнях перед караульным помещением стражи, рискуя своей задницей, а с другой, на него накатывал азарт, и он даже сожалел, что не принимает непосредственного участия в слежке.

Начинало уже светать, и Нофри вскоре должен был появиться, но не появлялся и, когда рассвело окончательно, Хеви почувствовал беспокойство – обидно будет, если пройдоха Нофри попался. Старший писарь посетовал, что так наобум, послал весьма ценного человека на такое опасное дело, и в груди у него защемило, как от потери преданного и умного животного. Надо было бы самому...

Однако Нофри появился жив и здоров, и Хеви, увидев входящего во двор писца, разозлился – где столько времени болтался гребанный раздолбай!?

– Ты где болтался, сын мартышкиного навоза?

– Случилось что-то странное, господин писец.

– Старший.

– Что? Ах, ну, да, конечно, простите, господин старший писец. А нельзя ли мне немножко пива? господин старший писец, а то я еле на ногах держусь.

Хеви внимательно взглянул на коллегу – тот действительно выглядел не лучшим образом и подвинул к нему кувшин и кружку. Нофри хорошенько приложился, двигая кадыком, вытер запястьем пену, и облегченно вздохнул, слегка рывнул, и вздохнул еще облегченней.

– Произошло что-то непонятное и... брр. – Нофри передернулся. – Простите, как-то мне не по себе. Значит так: стражники всю ночь не покидали помещение и лишь иногда выходили по естественной надобности наружу, в этом и заключалась их охрана, правда выходили они довольно часто, поскольку прихватили с собой изрядно пива.

– Так, с этим понятно, «нетопыри» взяли сокровища?

– Они ничего не взяли, и домой не вернулись. С первыми же признаками рассвета я направился к воровским кварталам, но никого не встретил в условленном месте. Прождал до самого рассвета, но с тем, же результатом. Тогда я зашел к некоторым домой и выяснил, что никто не вернулся. Жены и дети стояли на коленях, молились богам и подвывали.

– Не рано ли? Может мерзавцы взяли столько, что решили улизнуть.

– Я подумал так же и направил ступни своих ног к той самой гробнице. Они там были. Они зашли в сердаб, разбили лицо статуи усопшего, взломали дверь в захоронение, ну все как положено, и... – Нофри странно посмотрел на старшего по чину коллегу.

– И. – потребовал старший писец.

– И... и исчезли.

– Хочешь сказать – они ушли и сокровища исчезли.

– Господин старший писец, всегда был для меня мудрости источником, но тут кончаются поля мудрости и начинается что-то потустороннее и потому все получилось наоборот – сокровища на месте, а грабители исчезли.

– Исчезли! Почему исчезли?! Ушли, сбежали, уползли. Почему обязательно исчезли. – Хеви раздраженно смотрел на коллегу.

– Господин Хеви, я говорю, что видел. А я увидел, что дверь взломана, сокровища не тронуты, инструменты взломщиков валяются на полу, а взломщики исчезли.

Хеви почувствовал, как по телу пробежали мурашки, а Ноффри продолжил шепотом, склонившись к уху старшего писца:

– Я не знаю, господин, что они там увидали, что за хреновину такую они выпустили из запечатанной гробницы, но, как только они ее вскрыли, так выронили, или бросили, свои инструменты и... и все. И до сего момента они нигде не появились. Мне кажется, что ... – Ноффри беспокойно стрельнул по сторонам глазами.

– Ну!

– Похоже, господин Хеви, – младший писец еще понизил голос, – что-то такое там они увидели, что в ужасе бежали.

Старший писец внимательно посмотрел на коллегу.

– Те, которые бегут в ужасе, ночами не лезут по захоронениям с целью грабежа. Тебе ли этого не знать, Ноффри?

– И я об этом думаю все время, мой господин. – Ноффри что-то пробормотал, еле шевеля губами, и добавил. – Я не знаю, что могло заставить их, этих отжаренных теменем на солнце, бежать от сокровища? Если только... может... если...

– Ты о чем?

Ноффри схватился рукой за амулет в форме скарабея, висящий на груди, и, озираясь по сторонам, наклонился к самому уху Хеви и еле слышно прошептал:

– Они выпустили что-то из гробницы, что-то такое из мира мертвых и оно уволокло их в пучину страшную Дуата.

Хеви вновь пристально посмотрел на побледневшую физиономию младшего писца, на шепчущие молитвы губы и еще раз почувствовал озноб и непроизвольно передернул плечами.

– Сокровища точно на месте?

– Сокровища не тронуты.

– Ну, а сам-то немножечко потрогал? – с ласковой небрежностью спросил Хеви.

– Господин, как только я все это понял, то вылетел из гробницы с такой скоростью, словно на каждой ступеньке стояло по быку, и каждый наподдавал мне в задницу рогами.

– Ты, вроде бы, не был до сих пор пуглив, настолько?

– Понимаете, господин старший писец, – несколько смутился Ноффри, – мне вдруг почудилось...

– Что?

– ... почудилось, что мумия встает из саркофага.

Старший писец, хоть и не собирался, но опять вздрогнул. Потом плюнул. Потом раскрыл рот, для внушительного крика, но посмотрев на младшего коллегу, сдержался.

Ноффри с собачьей преданностью заглядывал в глаза, и старшему писцу показалось, что он явственно слышит стук хвоста. Он даже заглянул за спину коллеги, на всякий случай.

– Вы же знаете, господин старший писец, что говорят в городе.

– О чем?

– Ну, о покойниках. Вроде как... видели их... ночами... опять же этот вой...

– Ну, раз уже покойники встают из саркофагов, то, пожалуй, тебе, младший писец, стоит пойти поспать. А после обеда собери всех в канцелярию градо... нет! Все соберемся здесь. Вечером, когда диск Атума коснется горизонта.

Отправив, слегка деморализованного ночными событиями, младшего коллегу на отдых, старший писец оседлал своего крупного нубийского осла, предмет зависти всех младших писцов, и, не спеша, потрусил в направлении города мертвых, руководствуясь пословицей – хочешь сделать хорошо – сделай сам. По дороге он тщательно обдумал форму поведения со стражей города мертвых, которая должна уже обнаружить вскрытую гробницу. Конечно, со стражниками все уже давно решено, оговорено, для общей пользы дела и распито в знак понимания. Но кто, же доверяет страже! особенно в делах, где речь идет о ценностях немалых. Им, стражникам, не стоит доверять и в делах малых – на то они и стражники. Не для того они пошли охранять сокровища мертвых, чтобы цацкаться с живыми.

Честно сказать, так только самая, что ни на есть на свете, мразь и пролезает сейчас в стражу. Хотя, Хеви усмехнулся, если бы стража исполняла свой долг как должно, то... шиш бы он ездил на таком осле и имел дом с садом и беседкой.

Вот его отец, да будет жизнь его легка в долине Осириса, рассказывал, что в его времена стража действительно порядок охраняла, а дед, пусть и его жизнь вечная будет счастлива, говорил, что в его времена стража, смешно даже подумать, людей защищала от грабителей, разбойников и даже от банд техенну, появляющихся неожиданно из своих красных песков.

Ох, что-то верить с трудом! К нынешним стражам порядка лично он, Хеви, ни за что спиной не повернется. А может быть он бы тогда имел намного больше? По закону, одному для всех?

Конечно, за ним господин Уаджар и это большая сила, но никакая сила не спасет, если в спину нож засунут. Ночью, по рукоять и под левую лопатку.

Старший писец въехал в обширную пальмовую рощу, по сути, целый лес, тянувшийся до самого подъема на плато Сокара, с удовольствием скрывшись от лучей уже начинающей припекать священной золотой ладьи Ра. Высоко вверху, широкие резные листья соединялись в почти сплошной полог, создавая приятное затенение. Правда в лесу этом не стоило находиться после заката, ибо северной стороной он упирался в воровские кварталы и именно по нему пролегали тропы, по которым грабители гробниц выходили к городу мертвых. Собственно, и днем нельзя было считать, что здесь находишься у Осириса за пазухой.

Осел ленивой трусцой взобрался на подъем и перед Хеви открылся город мертвых – священное поле Сокара.

Прямо перед ним устремились ввысь горизонты Усеркафа и Тети, с сияющим золотым наконечниками высоко вверху, а чуть далее на юго-запад возвышался ступенчатый горизонт великого и мудрого Нетджеритхета, окруженный белой стеной в двадцать локтей высоты – Кебеху Нетеру.

Чувство благоговения заставило старшего писца пробормотать несколько молитв, а вспомнив цель своего прибытия, он непроизвольно схватился рукой за амулет. Впрочем, что еще за нежности!? – он перед мертвыми совсем и не виновен! Он ведь по гробницам сам не шарит. Он вообще тут ни при чем.

Так, где тут та самая?

Ха!!!

Ха-ха-ха-ха!

Напрасно он изошрял свой ум для предстоящего разговора со стражей – возле взломанной гробницы не было ожидаемой суеты. Стража, видимо, еще ничего не знает. Нет! – ну никому и ничего и ни хрена не надо! Хоть стадо бегемотов пройдишь по всему Сокару вдоль и поперек и завали навозом бегемотчим все гробницы скопом. Ни фиги никому не надо! Ну,

дожили, Краснолапый нас всех заberi! Что ж за времена-то в самом деле?! Вот ведь хрень, какая!

Хеви зажег лампадку и спустился в темные недра гробницы по узкому наклонному коридору более похожему на щель.

Да, все оказалось так, как и говорил Нофри. Дверь в захоронение вскрыта, инструменты грабителей валяются на полу. А так же и мешки, приготовленные для сокровищ.

Старший писец опустил на колени и начал детальный осмотр помещения сердаба, искоса поглядывая на черное отверстие, за которым находился хозяин гробницы. Смех смехом, а тяжелые волны загробной жути явственно вытекали из этой дыры в верхний мир. Сидя в беседке можно было, конечно, и посмеяться над младшим коллегой, но здесь, на первой ступени в неведомый мир Дуата, что-то было совсем и не смешно. Тем более совсем не смешно пробраться сюда ночью, когда силы мира Загробного... но об этом лучше не думать.

Однако, поиски ровным счетом ничего не дали, и Хеви сел на пол, привалившись к стене, и тут в темном отверстии что-то такое обозначилось. То ли какое-то движение, то ли...

Старший писец вытер со лба пот, вытащил кремневый нож (не очень-то надежная защита от мертвецов) и, стараясь дышать размеренно, подкрался к темной дыре, изо всех сил сдерживая жгучее желание с нечленораздельными воплями кинуться вверх по узкой лестнице.

Он взглянул на свою ладонь сжимающую нож и удостоверился, что перстни с магическими камнями по-прежнему на пальцах и браслет тоже, и начал вглядываться в отверстие, за которым уже явственно виднелись какие-то блики.

Ну, конечно же! Хеви выдохнул и присел на пол – это же золотые, серебряные и алебастровые кубки, чаши и кувшины – необходимые предметы обихода покойника. Вот они сокровища – прямо перед ним! Но естественную мысль – прихватить с собой две-три-двенадцать ценных чаш, Хеви даже и не стал серьезно в своем уме обсуждать.

Во-первых, опять-таки, не его это дело, а во-вторых, – хорош он будет, выезжая днем из города мертвых с вазами и чашами в руках или с мешком сокровищ за плечами. Он здесь совсем не за этим, а... оп-па!

Старший писец заметил волос, зацепившийся за его перстень, и довольно ухмыльнулся – он знал, что преступления без следов не бывает. Все наверх! Пусть те, кому положено ходят по ступеням, ведущим в царство Инпу – страшного бога мертвых и пусть ему потом дадут ответ за свои дела земные. Он-то, старший писец, здесь совсем и ни при чем.

Наверху, очень обрадовавшись солнечному дню, Хеви рассмотрел волос и сильно задумался. Волос имел длину чуть больше локтя и весьма странный серебристый цвет. Седой? Это что же получается – старики взялись за грабителей? И на хрен перебили всех грабителей из чувства...ну типа великого государства.

А че, они это могут. Да запросто! Только старье седое еще какие-то понятия сохранило о государственном порядке и мечты о мощном государстве. Они и вправду могут. Белые орлы, Асет их мать!

О, Осирис! Так мумия наверняка принадлежит пожилому человеку! Хеви мгновенно покрылся потом.

Надо было все-таки более тщательно осмотреть помещение с саркофагом.

Но сейчас старший писец, ни за какие сокровища не полез бы обратно. Да и вообще – надо отсюда быстро удаляться. Когти рвать! А волос прихватить!

Глава шестая. Чудеса в ночи

– Господин старший писец! Господин Хеви, есть! Есть, есть, есть!

Нофри от избытка старания чуть было не влез в окно, забыв о субординации, но повинаясь раздраженному взмаху ладонью, ударился в другую крайность, присел под окном так быстро, что Хеви чуть было, не решил, будто видение коллеги среди ночи ему почудилось.

Выйдя на крыльцо, он заглянул за угол, ожидая увидеть там пустоту, но, тут же, наткнулся на азартный блеск глаз младшего коллеги. Хеви приложил палец к губам, кивнув на дверь, где сном блаженных спало его счастливое семейство. Нофри скорчил понимающую рожу, зажал рот ладонями, усиленно закивал головой и на цыпочках последовал за старшим писцом в беседку.

– Чего ты орешь. – зашипел старший писец. – Ну, че ты орешь? Ни днем, ни ночью от тебя покоя. – затем с усмешкой посмотрел на Нофри, чуть не подпрыгивающего от возбуждения, и усмехнулся. – Эк, тебя коровка-то разобрала.

– Козочки, господин старший писец, козочки – штук пять-шесть, если на то бу...

– Говори, по сути.

– ... дет ваша воля. Так вот, обнаружился, наконец, продавец планов подземелий.

– Та-а-ак! Так-так! Говори дальше.

– Он предложил свои услуги банде «пыльных крыс». Но на сей раз, ох, господин старший писарь, если б вы знали, что он предложил! – Нофри от восторга закатил глаза.

– Я, конечно же, не знаю, но очень рассчитываю, что ты поделиться со мною этой тайной. Или она не для ушей старшего писца? Может, мои уши ее недостойны?

– О, прошу прощения, у господина старшего писца. Так вот, кое-кто предложил... – Нофри воровато оглянулся, что было совершенно бесполезно глубокой ночью, потянулся к старшему коллеге и прошептал на ухо два слова.

Старший писец, натянувший заранее на свою физиономию покрывало иронии, слегка вздрогнул, ирония порскнула, как летучая мышь во мрак, а Хеви откинувшись назад, произнес очень серьезно:

– Твой разум помутился.

– Отнюдь.

– Ты идиот!

– Отнюдь!

– Ты представляешь, что это такое? – Хеви очень строго посмотрел на младшего коллегу. – Я тебя, тварь ничтожную, в Нубию закатаю! На золотые рудники пожизненно законпачу! Ты будешь там гнить заживо! Ты будешь там кровью харкать! Одно лишь тебе светит избавление – никто более года там не выживает! Ты сдохнешь через год, если здоровья хватит. Ты это представляешь?! Или ты ни фига не представляешь?

– Нет! Не представляю, господин мой. – неожиданно твердо ответил младший коллега, глядя прямо в глаза. – Я и представить не могу, какие богатства там хранятся. Откуда же? Откуда же мне представить, ТО, что ТАМ храниться может. Что это за сокровище, мой убогий разум, увы, не представляет. Вряд ли я даже смогу назвать все украшения по именам. Что там за камни, что за металлы, какой они цены, какой работы тонкой украшения. Нет, господин мой, я не представляю. Тут вы совершенно правы. Убогий разум мой все это не может представить.

– Представь уж еще до кучи сразу – раскаленные щипцы, дыбу, кол, вогнанный под ребра и содранную кожу.

– Господин Хеви, а мы-то здесь при чем? Все делают грабители гробниц.

Хеви задумался на мгновение.

– Мда. Мы и в самом деле ни при чем. Ни с какого бока. Действительно, грабители. Так кто же это достал, секретные сии, чертежи?

– Вы не поверите, но это маленькая девчонка.

Старший писец с шумом выпустил воздух. И в этом звуке ясно читалось раздражение, а так же некоторое облегчение, от того что не нужно более решать сложную задачу, но и некое, скрытое сожаление.

– Не думал, я, что разум твой убог настолько.

– Он убог, но не настолько. Мой разум, лишь тень слабая от вашего, но все, же послушайте.

Старший писец прекрасно знал, что некоторые вещи ни в коем случае нельзя слушать. Почему? Да, потому, что пока их не слушаешь, они и выглядят тем, чем и являются на самом деле – то есть полной дурью. Но стоит лишь выслушать чьи-то аргументы, как начинаешь и сам прикидывать все за и против, вместо того, чтобы послушать здравого ума и смысла, и выбросить заманчивые мечты в сточную канаву, где им и место...

– Откуда у девчонки могут быть чертежи Кебе... любые чертежи.

– Тут вот какое дело. Вы послушайте! Вы только послушайте, господин старший писец! Девчонку эту прибрал к рукам, ну и ко всему остальному тоже, жрец из поминального храма Ке... э-э, ну, из того самого, поминального храма. Жреца того, недавно из этого храма, под зад коленом выгнали, возможно как раз из-за этой малолетней стервы, но может и за что-нибудь другое. Девка, видимо, хоть и малолетка, но уже привыкла к подаркам и подачкам, а доходы святого отца сильно поубавились и маленькая стервочка сперла у того планы подземелий, чтобы выгодно продать. Кто сказал, что это так не может быть?

– Может! Это так, все может быть. Но, более всего может быть, что они вместе сочинили эту басню Осириса и Асет. Я, думаю, жрец сам решил продать папирус с планом, но послал девчонку, чтобы самому не нарваться, и, на всякий случай, вроде как остаться в стороне.

– Всегда говорил вам, господин старший писец, что ваша мудрость для меня, как звезда Сепдет, на темном небосклоне, в период новолуния.

– А сколько, ты говоришь, лет, сей столь предприимчивой и весьма развратной деве?

– Лет одиннадцать-двенадцать.

– Сколько?! – удивленно приподнял брови Хеви, и, покачав головой, добавил. – Силен, святой отец, однако. Кстати, что она, эта развратная чуврыла, просит за этот план?

– Ничего.

– Что? – в сердце старшего писца тренькнул тревожный колокольчик. – Как это ничего? То есть она – дура? В наше время еще существуют дуры?

– Сейчас ничего. Она просит долю.

– А-а. Ну-ну. И она уверена, что с ней поделится после того, как она так запросто отдаст план? Ну и опять-таки – дура из дурищ!

– Я и говорю – дурища. Малолетка, что взять с нее?.

– Хотя, если не отдать долю, появится возможность доноса.

– Так может её...

– А святой отец?

– Так и ...его...

– Послушай, ты что-то разошелся, господин младший писец! Ее! Его! А он святой отец! Ты как —то не по своему чину решенья принимаешь!

– Простите, но я только предлагаю. Только исключительно из заботы об общем благе. Из государственных соображений.

– Вот-вот! Из государственных! Ты, знаешь ли, оставь мне эти соображения. Кроме того, этого святого отца еще надо установить, пока о нем мы знаем исключительно со слов какой-

то девки, охотно раздвигающей колени, перед старым пердуном и еще не стесняющейся рассказывать об этом.

– Она просто дура, вот и все вывалила наружу.

– Да, знаешь, – доверительно сказал старший писец коллеге, – эти маленькие девочки, уже познавшие мужчину, эти детки, бывают, изворотливы, как ихневмоны, и коварны как гиены. Мы видим миленькую детскую мордашку, а у нее пасть полная зубов акульих, что водятся в Лазурных водах, в десять рядов. Возможно, что и ядовитых.

– Об этом пусть печалится святой отец, любитель недозрелого плода и недожаренного мяса.

– Тут ты прав. Значит к делу. Крысеныша этого маленького ни в коем случае не трогать, ибо только через нее мы сможем выйти на этого, не к ночи будь сказано, святого, так сказать, отца. А сегодня бери своих людей, и проследите за «крысами», чтоб и эти не исчезли.

– А стража? Предупредить, чтобы не усердствовали с охраной?

– Нет, на этот раз не стоит. Просто пошли одного человека – пусть наблюдает и, в случае чего, даст условный знак, но думаю, они и сегодня пропьянствуют все двенадцать ночных часов.

– А не послать ли им в дар несколько кувшинов пива?

– Вот это самая мысль дельная за все время разговора.

– Идиотская была мысль. В заднице у мартышки, пожалуй, мысли будут поумнее. Кстати, и вид у тебя словно ты побывал в курятнике, где проживает очень крупный и весьма злобный петух, величиной со страуса.

Обычно сдержанный и невозмутимый старший писец, и на этот раз не потерял сдержанности. Даже напротив, голос его был почти безразличен и довольно нуден.

Он методично перечислил всех родственников младшего коллеги, дав им, увы, не очень лестную характеристику.

Затем он плавно перешел к предкам несчастного писца и, пытаясь выяснить его происхождение, перечислил множество животных, как правило, больных дурными болезнями и страдающих еще более дурными и весьма порочными наклонностями. Так и не найдя корней древа Нофри, среди представителей животного мира, он принял за него самого, примерив ему множество имен существительных, богато отдекорированных цветастыми прилагательными. Существительные господин старший писец в основном заимствовал опять из окружающей фауны и продуктов ее, в основном, кишечной жизнедеятельности.

Потом, уделив буквально пару слов детям, передал слово коллеге. Так, собственно, и сказал:

– Ну, теперь и ты что-нибудь поговори.

– Господин старший писец, сначала все шло как надо. Мы решили не следить за «крысами», поскольку это довольно трудно сделать ночью, и можно спугнуть или упустить. Чтобы не нервировать грабителей, мы решили залечь у стен великого сооружения. Ведь все равно было известно, куда они идут.

– Умно. – согласился Хеви и, добавив иронии, добавил. – И даже очень. Умнее не бывает.

– «Крысы» появились бесшумно, словно тени, и исчезли в воротах, они свое дело знали. Мы проследовали за ними, остановились в галерее, и, оставаясь под прикрытием огромных колонн, видели, как они свернули вправо к храму Львиного Хвоста, чтобы оставаться в тени. Все было совершенно тихо, и мы вернулись обратно за ворота, продолжать наблюдение. Некоторое время все было спокойно, только шакалы что-то развылились, прямо сердце останавливалось от их стенаний. Потом появился какой-то странный тип.

– Та-ак! Что за тип?

– Он некоторое время терся около ворот, затем разговаривал с огромным филином, сидящим на стене.

– С каким еще филином?

– Ну, там летал все время филин и жутко кричал. Здоровенный такой – локтя четыре в размахе крыльев – прямо не филин, а филинище. Честно говоря, мы не на шутку перетрухнули и лежали, боясь пошевелиться. Нам показалось, что это душа Осириса-Нетджеритхета прилетела из нижнего мира охранять свои сокровища. Тип этот, ну вот тот самый, так его и называл, так, прямо так и сказал, – ты, говорит, – Бу Нетджеритхета. Так прямо и сказал! Потом филин взял, да скинул его в глубокий ров. Мы думали все – конец, ему мерзавцу, но тот, там внизу, через некоторое время начал смеяться. Потом он смеяться перестал и полез по углу стены с такой скоростью, словно его кололи в задницу копьем. Забравшись на стену, он начал бегать там, размахивая руками, потому, что на него опять насел тот самый здоровый филинюка. Спасаясь от Бу Нетджеритхета, тип спрыгнул в галерею, и филин улетел прочь, оглашая окрестности жутким смехом, от которого нас всех пробрала дрожь, и мы чуть было не бежали в страхе. А когда три четверти ночи миновали, в самом страшном седьмом часу, когда демоны полностью владеют миром, появились «крысы». Они... их... позвольте глоток пива, господин, а то мне до сих пор жутко, как вспомню...

Старший писец раздраженно толкнул жбан. Ноффри приник к прохладной, ершистой влаге и долго не мог оторваться.

– Они шли друг за другом, словно гуси от реки, и плакали. – сообщил он, наконец, едва не захлебнувшись и отдышавшись.

– Что-что?!

– Плакали и подвывали, словно оплакивая потерю самых близких.

– Грабители, законченные мерзавцы, и подонки, изверившиеся во всем, плакали? Ты это хочешь мне сказать?

– Это и было самое страшное, мой господин! Они оплакивали сами себя и выли от ужаса.

– А вы куда смотрели? Почему не привели их в город?

– Нам было очень страшно, ноги подгибались от их стонов, но мы все же попытались им помочь, но нас не подпустили.

– Кто вас не подпустил, лохмотья своей храбрости?

– Демоны, которые их сопровождали.

– Демоны?

– Их сопровождали демоны.

– Какие еще демоны? Что за вид они имели?

– Обезьяны.

– Так демоны или обезьяны?

– Демоны, господин, но в образе обезьян. Гамадрилы и другие павианы! С огромными клыками, больше чем у львов. Они кинулись на нас и отогнали. У них такие зубы и такие когти, а так же ярость, как у львов. Они увели с собой всех несчастных «крыс».

– А проследить, куда их увели, умишка не хватило. – господин Хеви выпятил губу и приподнял руку, намереваясь дать подзатыльника коллеге.

– Хватило, господин наш, на свою голову, нам ума хватило, потому что когда демоны увидели, что мы издали, следим, то некоторых из них так это разозлило, что они весь остаток ночи, гонялись за нами по всему городу мертвых, и так нас всех отделали, зубами, когтями и кулаками, что я и не чаял уж, увидеть золотой диск Хеппри утром. Вот посмотрите, какие раны и царапины от их зубов и когтей их же, вот взгляните на лохмотья моего схенти.

– Да, похоже, будто тебя пожевал крокодил, а потом тобою плюнул. Кстати, где остальные?

– Кто где, мой господин, а где кто, я точно и не знаю. Нас гоняли, как таксы кроликов, по всему священному полю Сокара, словно кур по курятнику, как очень справедливо заметили вы в начале беседы.

– Но отдыхать еще не время. Сейчас скажу служанке, чтобы тебя обмыла и смазала раны целебной мазью. Надобно вызвать маджаев, и мы нанесем визит святым отцам в Кебеху Нетеру. Очень мне интересно, чем это они занимаются ночами.

– Дозвольте мне остаться, господин старший писец. Вы знаете, что я совсем не робкого десятка, но сердце мое до краев наполнил ужас, чувство крайне неприятное для моего сердца, а так, же очень горькое на вкус.

– Не позволяю.

– Господин, мне не пройти и сотни шагов.

– Верхом поедешь – я дам тебе осла. Дело складывается так, что тебе надо думать не о коровке с козочками и чужом винограднике, а о том, как бы не лишиться своего. А вместе с тобой и мне о том же надо думать. Две банды пропали за неделю! Что доложить мне господину Уаджару? Не посоветуешь чего-нибудь умного такого? Мне надобен твой нос, твои уши и твои глаза. Может сам в гробницы будешь лазить?

В сопровождение маджаев, вооруженных палками, Хеви и Нюффри прибыли к огромной стене Кебеху Нетеру.

По дороге удалось подобрать кое-кого из участников ночных событий. Один сидел на пальме, крепко обняв ее руками и ногами и на уговоры слезть, никак не поддавался. Слез только после того, как маджаи залезли к нему и несколько раз огрели палками. Тогда бедняга пришел в себя, слегка порозовел и наконец-то слез на землю.

Другой умудрился забраться почти на самую верхушку можжевельника. Слезать тоже не спешил, так же как и первый, а после того как его попытались стряхнуть, полез еще выше и верхушка дерева согнулась под тяжестью тела и плавно опустила его вниз, где его ласково приняли нежные и заботливые руки маджаев.

Третий в мечтах и раздумьях встречал первые лучи дневного светила на крыше гробницы.

Четвертого таинственная сила совершенно непонятным образом поместила на высокую стену, окружающую Кебеху Нетеру. Как смог человек взобраться на стену в двадцать локтей высотой, осталось покрыто мраком неизвестности. Так же неизвестной оставалась судьба остальных.

Не особо церемонясь, Хеви въехал внутрь Священного комплекса горизонта Неджеритхета, он же Кебеху Нетеру.

Осел процокал копытами по галереи громаднх колонн, подавляющих своими размерами и ощущаемой даже глазом тяжестью, затем вышел на широкую площадь, рядом с южной ступенчатой пирамидой, точной копией горизонта Неджеритхета, возвышающегося тяжелой громадой у северной оконечности площади. По правой стороне площади тянулся ряд строений среди них массивные мастаба с округлыми вершинами – захоронения членов семьи, ушедшего в свой горизонт владыки и храм Львиного Хвоста.

Святые отцы были на месте. Но, правда, тоже в своем роде.

Небольшая группа их стояла посреди огромной площади. Жрецы с блаженными улыбками смотрели на солнечный диск, словно увидели впервые, и что-то напевали о полях Иалу, о прекрасных богинях, о... ну и тому подобное.

На вошедших, они не обратили никакого внимания, видимо просто не заметили. Остальной клир во главе с настоятелем после недолгих поисков обнаружился в поминальном храме с северной стороны ступенчатой пирамиды. Здесь тоже имел место нездоровый религиозный экстаз. Все пели со счастливыми лицами. Многие плакали от обуревавших их чувств.

– Да они, утеха крокодилов, пьяны все в стельку. – удивился Хеви, проезжая на осле меж рядов святых отцов.

Нофри слез со своего животного и обойдя всех жрецов, сказал:

– Тут что-то другое. От них не пахнет ни вином, ни пивом.

– Но они явно не в себе!

– Однако они не пили.

– Так приведите одного хоть в чувство!

– Как?

– Да как хотите! Трепите за уши, зажимайте рот, водой облейте, оплеух по святой физиономии надавайте, хоть палками лупите. Святош, приводите в чувство!

Маджаи, выбрав одного, принялись за дело, выполнив все пожелания старшего писца и добавив многое от себя. Где-то через час, ну никак не ранее, кое-какие результаты были достигнуты. Один из святых отцов вдруг вытаращил глаза, огляделся вокруг полубезумным взглядом и как-то вдруг потускнел и обмяк.

– О, боги. – простонал он с тоской. – Какой постылый серый мир. Опять никчемная и подлая жизнишка. Нет, больше так нельзя. Нельзя так жить! Я иду к вам бессмертные создания...

Святой отец встал, осмотрелся и пошел к выходу из храма. Все последовали за ним.

Жрец обошел горизонт Неджеритхета и направился к храму Львиного Хвоста, подошел к одной из сикомор, росших у фасада, залез на нижнюю ветку, развязал пояс на своих белых одеждах, привязал к ветке (все с неподдельным интересом наблюдали за священным действием жреца), сделал петлю и начал просовывать в нее голову.

– Э-э-э! – закричал опомнившийся старший писец. – Ку-у-у-да! Ты, чё, на самом деле! А ну-ка стой! Стоять, сказал! Офигел что ли совсем от святости великой!? Взять мерзавца!

Маджаи с обезьяней ловкостью взобрались к святому отцу и после короткой, но яростной борьбы, скинули его на землю, где на него навалились остальные.

– Пустите! – возмущенно орал жрец. – Вы не понимаете, мерзкие уроды, насколько наш мир жалок и порочен. Давайте покинем его весь и сразу. Там, среди просторов звездной реки, другой есть мир. О, он так прекрасен, что жить здесь больше неохота! Тьфу на всех вас!

– Связать его и как можно крепче. И пусть, охота ему жить или неохота, пока не очухается, полежит в тени. Если неохота, дайте ему в морду.

Затем он оглядел подчиненных и ткнул в одного.

– Ипувер, ты с двумя маджаями, останешься и подождешь, пока отцы святые не придут в себя, и если у них появится желание всем клиром лезть в петлю – особенно не церемонясь, свяжи покрепче, но, все же, как-нибудь помягче, и туда – в тенечек уложи. – Хеви указал пальцем. – Конечно же, желание святых отцов свято, но у меня к ним есть особые и интересные вопросы. Да и вообще, как же нам без них-то. Так что придется еще помучиться им немного в этом отвратительном, поганом и дрянном мире. А вы, – он оглядел остальных, – а вы, поскольку все концы обрублены, теперь ни спать, ни жрать, и ни по малому и не по большому не ходить, пока не изловите мне эту маленькую черненькую сучку.

– Господин? – подал голос Нофри.

– Да?

– Надо бы собак на след набросить.

– Чего? А! А что, это весьма дельно! Вот видишь, не зря я тебя взял.

– Только...

– Что еще?

– Если только собаки возьмут след.

– Почему же нет?

– Мне все же кажется, что это демоны Дуата. Не пойдут животные по их следу.

Все остальные участники ночной слежки закивали головами. Ипувер даже высказал мысль не лишенную здравого смысла:

– Возможно, демоны вообще в этом мире следов не оставляют. Они же из потустороннего мира.

– Вот мы это сейчас и узнаем. Ноффри, твой брат, кажется охотник.

– Да, господин.

– Надеюсь, его собаки натасканы не только на зверей?

– Иногда он ловит беглых рабов. Его собаки натасканы на все что движется, в чем я мог убедиться, но демоны... это, господин, все потустороннее и не живые существа из нашего мира...

– Бегом! Бегом, бегом, бегом. Во весь опор за братом и собаками. Кстати, сколько времени прошло?

– Часа четыре.

– Многовато. Так что поторопись. Бегом, бегом, бегом...

Вскоре Ноффри вернулся в сопровождении брата, так же прибывшего верхом на высоком здоровенном и мордатом нубийском осле и с пятью высокими, поджарыми собаками, с загнутыми серпом хвостами и длиннющими зубастыми мордами. Хеви цепко оглядел вновь прибывшего и остался настолько доволен результатом осмотра, насколько же и недоволен. Египтянин был старше своего брата, да и внешне отличался. Лицо его было обветрено и красно, да и все тело его отличалось краснотой, словно вобрало в себя цвет песков западной пустыни. Щеку пересекал шрам, видимо от удара ножом, а может и секирой. Во взгляде охотника не было привычной Хеви угодливости, напротив, он смотрел жестко и колко, словно целился из лука. Вот это собственно и не очень понравилось старшему писцу. Такого быть не должно – независимый человек весьма опасен для государства, а государство здесь и сейчас – это он, господин старший писец.

– Натасканы ли твои собаки на людей? – спросил он, сразу переходя к делу.

– С людьми проблем не будет. – спокойно ответил охотник, – Но, брат сказал, что кроме людей есть еще и обезьяны.

– И в чем же разница? Какая тебе разница, охотник?

– Большая разница, чиновник, очень существенная разница, скажу тебе я, разница у зверя и у человека! Есть разница, – люди, обычно, собак увидев, падают, сжимаются и кричат, а обезьяны дерутся до последнего, до смерти, как настоящие мужчины. Они очень опасны.

– Но ты же охотник.

– Вот именно, – я охотник, – и поэтому берегу своих собак, от них зависит моя охота, и еще хочу знать, как мне заплатят. За охоту!?

– Заплатят? Ты обязан служить господину Уаджару. – наставительно и строго сказал Хеви. – Просто, обязан.

– Я, господину твоему, господину, – в голосе охотника явно прозвучало скрытое презрение. – Уаджару, ну совершенно, ничем не обязан. Я не служил ему не единого мгновенья. Ему служит мой брат и, про обязанности, говори ему. Не мне.

Ноффри смущенно опустил глаза и явно чувствовал себя неловко. Чувства долга и родственные чувства вступили в небольшой конфликт.

– Ты живешь на земле сепя господина Уаджара, и значит, тоже от него зависишь. – терпеливо, как добрый родитель капризному ребенку, разъяснял старший писарь.

– Но моей личной земли в его сепе нет, кстати, отдельное спасибо за это лично господину Уаджару – потому, что раньше у моей семьи была земля. А теперь у меня есть мой осел. – охотник шлепнул животное по крупу. – К происхождению которого, господин Уаджар, ну никакого отношения не имеет. У меня есть мои охотничьи собаки и господин Уаджар и здесь тоже ни с какого боку не подходит. Птицы и звери в долине и саванне появились по велению богов,

а отнюдь не по желанию господина Уаджара, так же как и рыба в реке. А дом я могу поставить в любом месте долины или дельты. Тростника с глиной и с грязью везде довольно.

– Ты, я вижу, очень прямой человек, и, слова твои прямы, как стрела в полете, но, впредь, будь осторожней, ибо стрелу, выпущенную, уже вернуть не сможешь. – улыбнулся Хеви. – Я-то, могу и промолчать, по той причине, что, как и ты сам, из самых, что ни на есть, простых роме. Но за словами своими ты, охотник, последи, как ты умеешь хорошо следить за дичью. А что касается оплаты, то говорить об этом пока что рано. Ты, пока что, ничего еще не сделал.

– Твой ум остер, словно клинок из меди, брат постоянно расхваливал тебя. – Ноффри засмутился еще больше. – Хорошо, я помогу вам, но если мои собаки пострадают, вы мне заплатите. Хорошая собака стоит дорого. Очень дорого! Тебе ли этого не знать? Воспитывающего людей. А сейчас стойте и не мельтешите как бабочки-поденки перед разливом Хапи. Ну вас всех в рыло крокодилу!

Охотник обошел площадь около ворот.

– Ну, тут, конечно, все позатоптали. – покивал охотник головой. – Ноги бы вам всем поотрывать и вместо рук приставить.

Затем, прошел по мощеной камнем дороге, ведущей от Кебеку Нетеру в город. Несколько раз он опускался на колено, разглядывая следы на песке, нанесенном на камни, затем сошел с дороги, походил меж древних полуразрушенных кирпичных гробниц и вернулся. Спустил собак со сворки, что-то резко сказал им.

Собаки поводили носами по воздуху, затем, уткнули длинные морды в землю, побегали туда-сюда, потом зачем-то пробежали кругом, вновь воткнулись в землю, дернули губами, обнажив клыки, приподняли шерсть на загривке и помчались меж гробниц. Охотник вскочил на осла и поскакал следом.

– Взяли. – Хеви повернулся к Ноффри и подмигнул, залезая на осла. – Взяли! Все-таки и демоны оставляют следы.

Они направили ослов следом за охотником, а маджаи, взяв палки под мышки, бежали рядом.

След шел почти прямо, лишь огибая встречавшиеся ямы и гробницы. Плато Сокара закончилось и след, после каменистого спуска, увел в рощу невысоких финиковых пальм и всадники уклонялись от резных листьев и отводили их руками. Затем миновали луг, двигаясь вдоль стены святилища священного быка. Хеви переглянулся с Ноффри – след явно направлялся в город. Уже явственно чувствовался запах воды озера Лотосов. Миновали можжевельную рощу и вскоре очутились перед стеной нового храма Нейт. След обогнул стену и собаки закрутились, подвизгивая от азарта, у ворот.

– Они там? – спросил Хеви.

– Где они не знаю, – пожал плечами охотник, – но ушли они туда.

Старший писец оглядел пустынные стены храма, потолкал запертые наглухо ворота, приложил к ним ухо. Несмотря, на обычную сдержанность, в нем замечалась, некоторая встревоженность. По-крайней мере такого результата он явно не ожидал.

– Иди домой, охотник. – сказал он тихо и так же тихо добавил. – иди и считай, что этого утра в твоей жизни не было вообще. Совсем! И меня в твоей жизни не было совсем. И если тебя спросят об этом утре, или обо мне, то ты, и ни того, и ни сего не знаешь, и вообще ничего не видел. Ты в это время дома был. Или в любом другом, каком тебе угодно месте. Ты ведь охотник и можешь где угодно быть.

– Так платы за работу мне не будет?

– Ну почему же нет? Не все так мрачно! Будет тебе плата – я так же позабуду о том, что мы с тобой встречались этим утром. И ты забудь об этом. Или у тебя есть плата дороже твоей жизни? Есть, что-нибудь дороже? Коровы, стада коз, серебро, золото, камни – самоцветы? Ну,

ты не стесняйся, – говори? Во что оценишь свою жизнь? Тебе заплатят. Но уж тогда не обижайся!

Охотник пристально посмотрел на старшего писца, словно прикидывая, куда бы всадить стрелу, потом посмотрел на младшего брата, оценил бледность его лица, молча сел на осла, свистнул собакам и удалился, не сказав ни слова.

– Никому ни слова. – сказал Хеви своему помощнику, влезая на осла. – Похоже, нашли мы то, что тщательно искали – на свою задницу, огромных приключений.

Писцы отправились восвояси, встретив по дороге отставших участников увлекательных ночных приключений. На вопросы, куда привел след, старший писарь ответил, что туда куда надо, туда и привел, а им надобно искать черномазую шлюху.

– Одно могу сказать сейчас совершенно точно. – доверительно сообщил старший писец. – Не мумия напала на банду нетопырей. Вот это, – Хеви показал длинный серебристый волос. – я нашел в той самой гробнице, а вот это, – писец показал второй точно такой же, – подобрал у входа в Кебеху Нетеру, и это волосы не с головы мумии, а из гривы гамадрила.

– Но, господин старший писец, от этого все, еще более, становится запутанным, непонятным и жутковатым. Получается, что обезьяны хватают людей, лишают разума и воли и уводят в храм Нейт и, соответственно, они же руководят продажей чертежей? Обезьяны весьма умны, конечно, но не настолько же.

– Ну, это нам выяснить, и предстоит, хотя и мне не очень нравится все это. Ведь мы не знаем, на что способны обезьяны, существа бога Тота.

Одним маджаям и неграм было все трын-трава, они скалили зубы и развлекались тем, что исподтишка тыкали друг друга палками в бока и смеялись, а когда один так ловко всунул палку между ног другому и тот грохнулся в пылищу, отчего из черного стал белым, то вообще зашлись от хохота.

Глава седьмая. Храм Устрашающей

Писцы направлялись в канцелярию, ибо следствие следствием, погони это тоже увлекательно и интересно, но вот от службы их никто пока не освобождал.

И тут Хеви пришла в голову мысль, а затем, как следствие, еще одна. Следствие было такое – вы, господин Хеви, слепой кутенок и почему это вас считают умным человеком? А первой он тут же поделился с младшим коллегой, трусившим рядом на осле.

– Послушай Нофри, а вот этот храм Нейт ты давно видишь?

Нофри задумался.

– Да этак с год.

– А ты видел, как он строится?

– Как это? Вон он стоит.

– А ну поехали обратно.

Вдвоем они объехали весь храм кругом. Высокие пилоны в форме вытянутой трапеции, медные ворота между ними, стены без единого прохода и видневшиеся за ними колонны, имитирующие пальмовые стволы. Строительство явно подходило к концу.

– Ничего тебя не удивляет?

Младший писец преданно смотрел на начальника.

– Ну, посмотри внимательней.

Нофри посмотрел на проплывающие мимо стены, выложенные желтым песчаником, затем огляделся вокруг, пожал плечами и вновь уставился на Хеви приготовившись услышать очередную мудрость.

Хеви нетерпеливо вздохнул, забыв, что и сам сообразил это совсем недавно, хоть и видел этот храм уже с год.

– Ну, прислушайся, если ничего не видишь.

Нофри вновь покрутил головой и даже, для верности, понюхал.

– Я ничего не слышу, господин Хеви.

– Вот то-то и оно, а ведь идет строительство.

– Ну, может там внутри?

– Может, может. А теперь припомни, видел ли ты здесь кого-нибудь из рабочих, когда возводились стены? Видел ли вообще хоть раз открытыми эти ворота?

Нофри задумался на некоторое время и по мере этого процесса глаза у него становились все больше и больше.

– Ой! – подвел он результат своих размышлений.

– Если не сказать чего побольше.

– Святой Осирис!

– А храм-то вот он.

– Господин Хеви! Да, как же это? Святое чудо?

– Ну, да чудесней и святее не бывает.

– А...а как же никто до сих пор этого не заметил? Растет, понимаешь, храм сам по себе из под земли, почти посреди Прекрасной Твердыни, а никто не замечает?

– Так человек устроен, Нофри, – он видит храм, назавтра его же видит, и через неделю видит, и глаз его отмечает, что храм растет, но разум его отмечает только этот факт, а что рабочих не видел он ни разу, это проскальзывает мимо, ибо его конкретно факт сей не касается.

– Так это и вправду вы считаете божественное чудо?

– Ну не такое уж чудное и если божественное, то так, слегка.

– Вы, господин Хеви, уже знаете ответ?

– Ты тоже его знаешь, только осознать не хочешь.

- Я?
- Ты, ты. Нофри, ну это же так просто.
- Не понимаю, как может быть простым божестве...
- Да подожди с богами! – в сердцах сказал Хеви. – Если храм растет, то?
- Что?
- То его кто-то строит, твою мать, которая была матерью баклана.
- Как это, ведь рабочих нет? – вытаращил глаза Нофри, не обратив внимания, на свое предполагаемое происхождение.
- Если не строят днем, то?
- То?
- Нофри ты пеликан тупой. – добродушно сказал Хеви. – Если храм не строят днем, значит его строят... ну!
- Ночью!
- Вот видишь – ключевое слово для разума твоего пеликаньего было – днем! И все сразу ясно стало, как светлым днем.
- О, боги, но кто же его строит!?
- А вот уже этого я не знаю. Но советую тебе забыть об этом и более не вспоминать, ибо если дальше сунуть нос в это отверстие, то можно с носом потерять и остальные части организма.

Когда огромный красный диск Атума готовился уйти в свой горизонт, чтобы назавтра возродиться в облике юного Хепри, Хеви начал готовиться к ночной прогулке.

Приготовил длинную веревку с узлами, привязал к ней медный крюк, повесил на шею ножны с кремневым ножом, предварительно проведя пальцем по краю лезвия. Пальцы ощутили легкие сколы вдоль режущей поверхности. Если таким ножом полоснуть кого по шкуре, то он сам впивается в тело и вдобавок разваливает широкую рану, отчего происходит обильное кровотечение, но если приложить его плоской поверхностью к ране, то он останавливает кровотечение. По крайней мере так считалось. Еще считалось, что подобный нож обеззараживает воду.

Еще Хеви надел на пальцы несколько колец с камнями отвращающими зло, пару оберегов в виде браслетов надел на запястье. Хеви хоть и был трезво мыслящим человеком, но считал, что соблюдение обычаев еще никому вреда не приносило.

А еще он твердо знал, что если таким оберегом кому-нибудь заехать с маху в нос или висок, то он, Хеви, избежит беды. А перстни можно использовать как кастет и, если перстнями ударить в личность, то уж тогда зло точно будет отвращено.

Напоследок засунул за пояс сзади два бумеранга и собрался выезжать, но тут на его сборы обратила внимание супруга.

- Куда вы, господин мой?
- Супруга склонила чуть набок голову напоминая лису учуявшую суслика.
- Дорогая, я по долгу службы.
- Что за служба ночью?
- Так получилось.
- Плохо получилось.
- Нефру-та, иногда бывает такая необходимость.
- Не следует вам, господин мой, бродить ночами.
- Ты веришь в сказки?
- Это не сказки. Люди ходят днем. Ночь – время мертвых.
- Вот видишь – обереги отвращающие зло.

Но, тем не менее, Нефру-та прошла рядом с ослом за ворота и, когда Хеви обернулся перед поворотом, то она все еще стояла и смотрела ему вслед. Старший писец специально выехал засветло, чтобы сначала осмотреться, а не спотыкаться и шарахаться по кустам в темноте. И, как раз, когда он прикинул, что самое удачное место у задней стены, где растут кусты гибискусов и несколько тамарисков, лик Атума скрылся за горизонтом (пирамидой) Унаса, а следом и за своим горизонтом (тут уж за горизонтом). Ночь тут же запела свою песню голосами цикад, кузнечиков и сверчков.

Хеви с третьего раза зацепил на стене крюк и, ласково потрепав осла по ушам, полез на стену. Осторожно выглянув за краешек, он подтянулся, влез на стену и тут же лег, оглядываясь по сторонам. Пока все прошло без приключений.

Внизу, за оградой храма рос сад из разнообразных растений, начиная от кустарников и заканчивая финиковыми пальмами и смоковницами, одна из которых, кстати, росла прямо перед стеной, словно специально для того чтобы легче было спуститься вниз. Отлично, веревку можно не перекидывать.

Никакого движения внутри не наблюдалось и волей не волей надо было спускаться вниз, тем более что луна, торчавшая в аккурат посреди небосвода вверх рогами, набирала свет и нечего маячить на голой стене как морда бегемота среди лотосов священных.

Хеви прыгнул на ветку, с ловкостью обезьяны спустился вниз, и приник за кустами с бешено стучавшим сердцем.

А ничего и не произошло. Осторожно ступая, он направился к колоннам храма, светящимся в лунных лучах. Никакого движения, никакого строительства, не иначе как действительно храм создается божественным соизволением.

Вот и посмотрим хоть раз в жизни на божественное чудо. – с некоторой иронией, но, вполне серьезно, подумал Хеви.

Тем не менее сердце его стучало так, что его стук был слышен изо рта – а вдруг и вправду чудо!? Или что-нибудь похуже.

Но вот колонны приблизились и Хеви понял, почему вокруг такая тишина – храм был достроен. Таясь, он обошел его вокруг, с восхитительным и бодрящим чувством, что на него в любой момент может навалиться стадо павианов. Поэтому, когда на вершине храма кто-то всхлипнул и тоскливо заплакал, он чуть не кинулся обратно к стене. Но это был всего лишь сычик, которых по всей Прекрасной Твердыне великое множество.

Так, без особых приключений, он подошел к фасаду храма и, осторожно ступая босыми ногами по еще не успевшим остыть от дневного зноя плитам, вошел внутрь. Он шел меж колонн то скрываясь в тени, отбрасываемой ими, то выходя на свет, но отдавая предпочтение тени. Шел словно по каменному лесу. Хеви уже решил, что ничего он не увидит и не услышит, и что пора бы подумать о возвращении, тут справа открылся ход в подземную часть храма. Ступени уходили куда-то во тьму. И вот оттуда-то и услышал он наконец-то звуки. Это были плач и стенания, какой-то жалобный вой. И на сей раз уж сычики, сычи, совы и филины здесь были ни при чем. Стенали люди испытывающие страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.